

АННА ГРАЩЕНКО

ПЕРВЫЙ ФЕНИКС

18+

ИЗНАНКА ТЕМНОТЫ

Анна Гращенко
Первый Феникс
Серия «Изнанка темноты»
Серия «Фениксы», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69512911

Анна Гращенко. Первый Феникс: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-151398-6

Аннотация

Фениксы, эти гребанные монстры, появились как снег в декабре – внезапно, не дав никаких шансов подготовиться. Эти существа хотят одного – прорваться к людям и пировать на их костях.

Юрий Краев влезает в охоту на феникса случайно, оказавшись не в том месте и не в то время. И в итоге сам стал дичью. Теперь цена за его голову – наш мир.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

148

Анна Гращенко

Первый Феникс

© Анна Гращенко, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Каждый шаг отражался предательским эхом, указывая преследователям путь. Под ногами хрустели осколки стекла. Светловолосый мальчик девяти лет, излишне худой на вид, бежал, задыхаясь и держась за правый бок. В глазах плясали красные пятна, кровь стучала в ушах так громко, что хохот и крики позади почти не были слышны.

Еще один поворот в полуразрушенный коридор, где-то слева сверкнуло солнце в раскрытой пасти потолка. Этот блеск на мгновение ослепил его и вырвал последние остатки дыхания. Мальчик споткнулся о битые кирпичи и упал на устланный мусором и стеклом пол.

Семь долгих секунд он пролежал лицом вниз, отказываясь верить в происходящее, пока хриплый смех не раздался прямо над ним. Этот звук закипал где-то в районе желудка и поднимался так медленно, что успел измениться до неузнаваемости. Пахнувшая бензином рука схватила его за ворот растянутой майки и грубо перевернула на спину.

Над мальчиком стоял, пригнувшись, один из тех подростков, чей возраст не определить. Такие дети лет с тринадцати принимают облик, который сохраняют до тех пор, пока у них не отрастают бороды, превращающие их сразу в стариков.

От него резко пахло гнилью, сыростью и табаком, как и от большинства людей, живущих в подвалах и под плат-

формами железнодорожных станций. Он поглаживал обренок стальной трубы с заточенными концами и ухмылялся, глядя на комок животного страха перед собой. В нескольких шагах сзади переминались с ноги на ногу еще трое таких же, но ниже и хуже.

Труба, сверкнув в свете закатного солнца, на мгновение стала неотличима от меча. Железо с силой опустилось на скрещенные над головой руки мальчика, оставив на болезненно белой коже глубокую рваную рану. Вспышка боли мгновенно смела из сознания ребенка страх, начертив взамен угловатые линии ярко-желтой ярости.

Солнце гладило его острые плечи и дрожащие ладони, успокаивая и заглушая вопль, в котором слились сразу четыре голоса. Этот вой походил на скрежет и свист, который издает поезд при торможении – неприятный, болезненный и резкий. Мальчик лежал, боясь отвести взгляд от пятен темнеющего неба и медленно водил руками вокруг, омывая ледяные пальцы в потоках обжигающе горячей крови.

Родился феникс.

Глава 1

Чего не слышат остальные?

Глеб, высокий молодой человек, важно вышагивал по темному коридору мимо прикрытых дверей аудитории. Он привычным движением откинул челку назад, открыв высокий лоб, изогнутые брови и светло-голубые глаза. Его пальцы нетерпеливо стучали по прикладу ружья, которое свободно раскачивалось на ремне, перекинутом через плечо.

Парень едва не издал радостный возглас, завидев в конце коридора худощавую фигуру, окруженную частым топотом пузатых, невысоких чиновников Форта. Они почти бежали и запыхались, прижимая галстуки к толстым животам, чтобы успеть за быстро идущим молодым человеком.

– Наконец-то! – выпалил Глеб горячим шепотом. – Это ж правда, да?

– Похоже на то, – отозвался высокий блондин в свитере с улыбающимися гусеницами. – Приказ поступил напрямую от Его Величества. – Он поднял указательный палец, и они оба несколько секунд задумчиво разглядывали потолок.

– Черт, как нам повезло, Васька! – Глеб поправил ружье. – Настоящая охота! Сколько этого уже не было? Года полтора?

– Два с половиной, – он пожал плечами. – Ну, и на солнце бывают пятна. Давай сначала поймаем эту птичку, а праздновать – потом.

– Ладно, ладно. Что известно?

– Только что феникс сегодня родится где-то тут. – Вася небрежно махнул рукой в сторону. – Университет площадью сорок тысяч квадратных метров, к слову.

– А когда?

– Эм, – он постучал костяшкой пальца по лбу, – примерно сейчас. Плюс-минус сутки.

– Смешно.

– А я такой. – Вася улыбнулся своей широкой улыбкой, которая удивительно меняла его лицо. – Ладно, пошли.

Он взял протянутый кем-то блеклый синий кейс, встряхнул его под испуганные охи-ахи запыхавшихся чиновников и живо направился к ближайшей приоткрытой двери.

– Спасибо всем за ожидание, – громко сказал он, переступив порог пыльной аудитории и поежившись под десятками направленных на него взглядов. – Не хотелось отвлекать вас от учебы, но нам необходимо провести некоторые, эм, проверки. Дело пяти минут, после чего все спокойно смогут продолжить прогуливать пары в более приятных местах.

Разрядить обстановку не удалось – на его попытку пошутить никто не среагировал. Вообще-то, никто даже не шевельнулся.

– Фениксы разве не закончились? – дрожащим голосом

выкрикнул парень бандитской наружности, одетый в куртку из коджама.

– Смелое замечание, – неуверенно ответил Василий, поднявшись на кафедру. – Нет, не закончились. Подходим по одному. – Он оперся локтями о стол.

Толпа студентов испуганно перешептывалась, выталкивая кого-то вперед и уговаривая отправиться первым.

Спустя четыре минуты Вася бросил быстрый взгляд Глебу, который, поудобней перехватив ружье, подошел к миниатюрной рыжеволосой девушке.

– Леди, а не вы ли тут самая смелая? – спросил он, подмигнув.

– Нет, – одними губами ответила она.

– Ну, как минимум самая красивая. – Он легко поднял на руки студентку и, преодолев всю аудиторию за несколько шагов, усадил ее на стул прямо напротив Василия.

– И титул «мистер Галантность» отправляется к... – проворчал Вася, крепко схватив запястье перепуганной девушки.

Один моментальный укол, капля крови на указательном пальце, крохотный прибор, похожий на старое радио, который замигал десятком огоньков, как только кровь попала в небольшое отверстие сверху, громкий сигнал «бип» и яркая зеленая лампочка, оповестившая всех присутствующих, что перед Василием сидит обычная студентка, не подготовившаяся к семинару по истории искусств, а вовсе не феникс.

Осталось проделать то же самое еще в четырнадцати аудиториях. Васе хотелось выть от нежелания заниматься этой ерундой. Перебор студентов и их пальцев – это не охота, а какая-то насмешка. Он мог бы назвать миллион способов полезнее провести этот день, и все они не были связаны с душевными аудиториями и почти тысячью пальцев. Уколоть, собрать кровь, капнуть в анализатор, дождаться зеленой лампочки, позвать следующего. Снова и снова.

Пару лет назад, когда Вася только попал в Форт, он был готов продать душу дьяволу за бесценок или вовсе подарить, лишь бы обнаружить феникса. Собственноручно. Это было бы настоящим событием, тем, чем можно гордиться. Однако его ждали операция за операцией, проверка за проверкой, зеленая лампочка за зеленой лампочкой.

Хотя этим утром, конечно, все было иначе. Впервые за последние несколько лет проходила не плановая, а срочная проверка.

Шесть лет назад, когда это случилось в первый раз, люди были перепуганы намного меньше – никто не знал, чего именно надо бояться. Но вскоре эти проверки ввергли город в хаос. Затем и страну, и весь остальной мир тоже (а вдруг это заразно?).

За первый год было поймано больше фениксов, чем рождено детей. Люди в страхе ждали, что в любую минуту в них родится феникс. И кто-то это увидит. Хотя, даже если рождение случилось вдали от посторонних глаз, скрыть его бы-

ло невозможно. Вскоре приезжали охотники Форта, новоявленного усыпляли (якобы для его же безопасности) и увозили. Больше его не видели, о чем обычно никто не жалел. Единственное, что люди знали наверняка – фениксы опасны и для окружающих, и для самих себя. Но больше для окружающих, очевидно.

Магнитный феникс, родившийся на остановке и притянувший к себе автобус; ядовитый феникс, проявившийся у школьного повара во время приготовления обеда; сонный феникс, обретенный пассажиром самолета во время взлета – это случалось чуть ли не еженедельно. Каждый боялся всех сразу и себя в отдельности.

Но вскоре фениксы стали появляться все реже и реже. Пока не исчезли совсем. До этого дня, когда по всему Форту рябью прошли слова: «Сегодня родится феникс». Все были охвачены таким ажиотажем, что Форт стал походить на мужской клуб в день открытия сезона охоты на уток. И вот ему, Василию, улыбнулась судьба, позволив выиграть в «камень-ножницы-бумага» у сотни других охотников. И сейчас он в разгаре охоты. Самой унылой охоты в его жизни.

– Следующий, – протянул он. – Эй, Глеб!

– Поймали? – отозвался тот, не вставая со стула, на котором дремал последние полчаса.

– Уже вот-вот, – ответил Вася, проделав привычную процедуру «палец-кровь-лампочка», даже не взглянув на появившегося перед ним студента. – Следующий.

– Какой занимательный день, – Глеб закинул ноги на стол.

– Ага, я так взволнован.

Вася зевнул, Глеб захрапел. А студенты, морща носы, начали переглядываться:

– Что горит? – спросил кто-то в аудитории.

Охотник принялся и действительно почувствовал легкий, но настойчивый запах гари.

– Спокойно! – твердо сказал Вася и привстал. – Кто-нибудь видит дым?

Студенты под звонкий храп Глеба начали в панике заглядывать под столы и стулья, но ничего не нашли.

– Я сказал, не двигаться! – рявкнул Василий, когда какой-то парень из дальнего угла аудитории вскочил и, подпрыгивая, подбежал к пожарной сигнализации.

– Так горим же, – ответил лохматый темноволосый студент и, не отводя глаз от Васи, нажал на кнопку, после чего нырнул в темный коридор.

Здание университета подпрыгнуло на месте от взывшей сирены.

– Всем оставаться на местах! – крикнул Вася тоном, заставившим студентов медленно осесть на стулья. – Глеб, никого не выпускай!

Тот, наконец поднявшись после красочного падения от неожиданности, кивнул и вместе с Васей выбежал в коридор, где уже стояли охранники из других аудиторий.

– Ложная тревога, – крикнул Василий им на бегу. – Кто-

нибудь видел, куда побежал парень из этой комнаты? Нет? Черт. Следите за ними, никто не должен выйти! – Он еще раз раздал указания и побежал наугад вглубь коридора.

Спустя несколько минут сирену выключили, и он был уже достаточно далеко от аудиторий, занятых под охоту, чтобы не слышать шум и голоса. Вася стоял посреди широкого холла на втором этаже. Он замер, надеясь услышать шаги или голос, но его окружала только тишина и почти кромешная темнота. Университет участвовал в движении за экономию энергии, и свет включали только там, где проводились лекции или собирались преподаватели, в то время как остальная часть здания не освещалась.

Вася разочарованно фыркнул – за такой прокол его подвешат вниз головой на стене Форта. В одних трусах. До зимы.

Он обреченно шел по кафельному полу под аккомпанемент гулко-го эха собственных шагов, но вдруг остановился и снова прислушался.

Эхо переплеталось с тихим шипением. Такой же звук издает капля воды, попав на раскаленную сковороду. Воодушевившись, он побежал на звук и через пару минут оказался перед дверью женского туалета, которая еще по привычке из детства заставила его затормозить. Вася зачем-то учтиво постучал по ней и, не дождавшись ответа, глубоко вздохнул и потянул дверь на себя. Вся комната была заполнена густым белым паром, будто ватой.

– Есть кто-нибудь внутри? – крикнул он наудачу, хотя ему

показалось, что голос не смог пробить эту ватную стену.

– Все так и было, когда я пришел! – донесся из глубины вибрирующий голос.

Вася резко закрыл дверь и достал рацию.

– Глеб! Второй этаж, северная лестница, быстро!

– Вас понял, мой генерал! Конец связи, – выплюнула рация вперемешку с помехами и щелчками.

Вася облокотился спиной о дверь и, наконец, заметил, как у него дрожат руки. Тело будто опускали в кипяток – жар медленно поднимался от щиколоток выше, стремясь к сознанию.

Он нашел феникса. В этом не было сомнений.

Ему хотелось кричать, прыгать, бить все вокруг, стрелять в стены и трахать секретаршу отца (ой), только чтобы выплеснуть эту волну жара, наполняющую его.

Глеб и еще двое прибежали меньше чем через минуту.

– В аудиторию его, – холодно сказал он охранникам. – И можете не нежничать.

Василий шел обратно, слыша крики и возню за спиной. Лохматого парня тащили по полу, заломив руки. Тот извивался, пытаясь сбить охранников с ног, и орал что есть мочи, удостоившись в итоге кляпа из дырявого носка Глеба.

Возможно, правильнее было принести анализатор сюда и провести анализ вдали от посторонних глаз, но Василий жаждал публики. Ему хотелось, чтобы как можно больше людей стали свидетелями его триумфа – поимки первого фе-

никса за почти три года. Он сильнее сжал кулаки, чтобы скрыть дрожь, и оскалился.

Охотник распахнул двери аудитории и зашел внутрь, чувствуя себя дрессировщиком тигров, вышедшим на арену под оглушительные аплодисменты. Хотя на самом деле вокруг царила гробовая тишина. Все затаили дыхание, глядя, как Василий резким движением проколол палец пойманного и отправил каплю крови в анализатор. Несколько бесконечно долгих мгновений мир сжимался до размеров лампочки, чтобы потом взорваться зеленым цветом.

– Нет, – выдавил Вася, чувствуя, будто его ударили под дых, – несите запасной.

Пока кто-то из толстых лысеньких чиновников, которые все были на одно лицо, бегал за другим синим чемоданчиком, Василий повторил анализ дважды. Получив новый прибор, он еще три раза смотрел на ненавистную зеленую лампочку, полный желания разбить анализатор ко всем чертям. В идеале – об эту лохматую голову. В каждом взгляде вокруг ему виделась издевательская насмешка.

– Отпустите, – спокойно сказал он, садясь за стол. – Следующий.

Глеб растерянно пожал плечами и отошел на несколько шагов назад, кивнув остальным охранникам в сторону двери. Те разочарованно зашагали в закрепленные за ними аудитории.

– Наконец-то! – воскликнул лохматый, разминая запя-

стья. – Один-ноль в пользу Юрца! А ты, – он швырнул в Глеба выплюнутый носок, – просто омерзителен. Seriously, твои носки – это как если взять рыбные кишки, добавить к ним...

– Следующий, – вновь повторил Василий бесцветным тоном.

– ...куриное дерьмо, залить...

– Глеб, – негромко позвал он охранника.

Тот, подняв ружье, мгновенно оказался рядом.

– Ладно, ладно, – парень спрыгнул со стола и, выставив руки перед собой, отошел на несколько шагов. – Я подожду открытку с официальными извинениями.

– Следующий, – вновь потребовал Василий.

* * *

Свет с трудом пробивался через закрытые жалюзи, мелькая неясными пятнами лишь там, где те были погнуты. То есть почти везде.

В широкой комнате располагались пятнадцать потрепанных письменных столов, стоявших в произвольном порядке. Одни находились рядом, другие перпендикулярно, некоторые – вовсе на отдалении или, покрытые солнечными пятнами, располагались под окнами. Воздух был полон пыли и затхлости.

Обычно люди, сидящие за этими столами, проводили день, лениво попивая горячее какао из разноцветных кружек

и почитывая легкую литературу. Гул от компьютерных системников разбавлялся хлопанием, шелестом бумаги и храпом Глеба.

Мужчина лежал на трех стульях, поставленных в ряд. Импровизированная кровать все равно была коротка, так что ноги он положил на пыльный подоконник, пестрящий коричневыми и черными следами от чашек. Несколько лучей света попадали ему на лицо, из-за чего он постоянно морщился и пытался закрыться то рукой, то мятым рапортом.

За одним из центральных столов сидела тоненькая девушка с ярко-малиновыми волосами. И без того короткие, не доходившие до плеч локоны были спрятаны под широкую темно-синюю кепку. Она была одета в белую рубашку с закатанными рукавами, красно-зеленую клетчатую жилетку, шорты и высокие шнурованные сапоги. Девушка перебирала ворох бумаг и пила остывшее какао, стоявшее на противоположном краю стола. Для этого она использовала пять трубочек, скрепленных между собой желтой изолентой. Конструкция получилась не совсем устойчивая и надежная, но функцию свою выполняла.

В самом дальнем от входа углу стоял, прислонившись к стене, среднего роста юноша. Он возил вокруг себя сухой шваброй, глядя при этом в экран телефона, который чуть освещал его лицо. Смуглое, с широкими прямыми бровями, ореховыми глазами и недельной щетиной. Вся конструкция в обрамлении каштановых кудрей. На мятой футболке бей-

джик: «Краев Ю.»

Юра стоял, создавая иллюзию бурной деятельности и читая с экрана телефона комиксы занимательного содержания. Сотрудники Форта были сосредоточены на собственной работе, не имея ни желания, ни возможности смотреть по сторонам. И пока он никому не мешал – не мешали ему. Такие отношения сохранялись между служащими любых ступеней, вплоть до высокого начальства.

Он приблизился уже к самому интересному месту комикса о приключениях близняшек, когда здание вздрогнуло от sireны. Динамики, много лет не использовавшиеся по назначению, откашливались от пыли, выдавая прерывистый визгливый сигнал тревоги. Юра уронил швабру, Глеб так резко подскочил, что кубарем слетел со стула и сбил с подоконника одинокий горшок с еле живым фикусом. Девушка невозмутимо оглядывалась по сторонам.

– Думаешь, сбой? – спросила она, потягивая какао через конструкцию из трубочек.

– Мне отсюда плохо видно, – глухо отозвался Глеб, растянувшись на полу. – Спаси куст, а я выясню, зачем шумят.

– Хорошо, – ответила она, не сдвинувшись с места.

Глеб поднялся, отряхнулся и, поправив охотничий мундир, направился к двери. В тот момент, когда он потянулся к ручке, дверь резко распахнулась, ударив парня в лоб. Громко выругавшись, он схватился за голову и попытался пнуть дверь, но та уже захлопнулась за вошедшим. Охотник про-

летел под тяжестью собственного тела и врезался в дверь по второму разу. Чтобы наверняка.

Василий вбежал в комнату, на ходу снимая футболку с пони и надевая на голое тело темно-зеленый мундир с эмблемой охотников на правом плече. Символ Форта – птица с длинным хвостом, летящая вниз, сложив крылья. Падающий феникс.

Чертыхаясь, он застегнул лишь пару пуговиц.

– Марина, Глеб, через сорок секунд все должны быть на выходе, у нас феникс.

– Опять? – Девушка удивленно выгнула бровь.

– Пятеро мертвы, – бросил Вася и, не добавив больше ничего, выбежал.

Несколько секунд Глеб и Марина изумленно смотрели друг на друга.

– Шуруй, идиот! – крикнула она, развязывая рукава своего мундира, который за ненадобностью использовала как авоську.

Глеб непонимающе глядел на нее, но через мгновение осознал, что он-то уже в форме и готов к выходу: всю неделю ленился ходить в прачечную, и сегодня ему пришлось надеть мундир за неимением других вариантов. Шестое чувство, не иначе.

Мужчина вышел из кабинета и побежал по извилистым коридорам, стены которых дрожали от непрекращающейся сирены.

Марина, наконец, справилась с мундиром и, начав расстегивать жилетку, вскрикнула, только сейчас заметив парня со шваброй в углу.

– Что ты стоишь?! Надевай форму! – крикнула она и, столкнувшись с его растерянным взглядом, добавила: – Вон там есть запасная. Идиотские правила, – ворчала она, взясь с пуговицами.

Юрий открыл было рот, чтобы возразить, но она уже прыгнула к высокому шкафу с узкими дверцами и извлекла из него зеленый сверток.

– Надевай, – скомандовала охотница, швырнув одежду в парня. – Защита в фургоне.

Сама девушка за несколько секунд расстегнула ряд пуговиц на жилетке, поверх рубашки натянула мундир, ушитый по ее фигуре, который сидел идеально, хоть и был измят. Еще несколько мгновений, и она была полностью готова. Хотя плотный мундир с железными пуговицами и погонами странно смотрелся с шортами, едва прикрывавшими ее белье, правила были соблюдены. Согласно уставу Форты, охотники обязаны выходить на любые операции в мундирах, но о полной амуниции никто не говорил. Чем и пользовались самые находчивые из них.

Спустя мгновение Юра уже бежал вслед за девушкой. На преодоление лабиринта у них ушло не более чем полминуты. Солнце, находившееся прямо над головами, слепило.

Девушка метнулась к темно-серому джипу, ожидавшему

их у ступеней Форта. Юра последовал за ней и только в машине понял, что случайно записался на охотничью операцию, в которой уже кто-то погиб. Он почувствовал запах жженной резины.

– Слушайте, вышло недопонимание...

– Не мешай, – резко оборвала она.

Девушка проверила состояние своего MP7.

– Что с кондиционером? Жарко, как в адском сортире! – возмутилась она, обмахиваясь ладонью. – Где твоё оружие?

– У меня его нет, – ответил Юра чуть дрогнувшим голосом.

– Безмозглый, – процедила она сквозь зубы.

Поджав губы, Марина выудила из-за спины револьвер, легко помещавшийся в её ладони, и протянула его Юре.

– Он же дамский! – Парень взял крошечное оружие двумя пальцами.

– Моделей для идиотов ещё не выпустили, – огрызнулась она. – Двадцать второй калибр. После охоты я заберу эту секси-леди обратно.

Джип резко повернул влево, жалостливо взвизгнули шины, и Юра рухнул на девушку, которая уже затянула бронезилет и надела защитные щитки на голые ноги.

– Эй, красавица, не так быстро, – сказал он сдавленным голосом, нависнув над ней, и не сдержал нервный смешок.

Марина молча отшвырнула его на другую сторону сиденья. Автомобиль подпрыгивал на кочках и ямах, стрелка

спидометра плясала на отметке 200, водитель выкручивал руль до предела и при поворотах машину сильно заносило. Но рослый бритый мужчина, похожий на скалу или гориллу, или скалу, похожую на гориллу, справлялся с управлением. Когда они остановились, Юра буквально вывалился из автомобиля, хватая ртом воздух.

– Что за слабак, – презрительно фыркнула Марина.

– Чего? Меня укачало! – ответил парень, схватившись за рот и живот.

– Конечно, – бросила она, не оборачиваясь.

Джип остановился перед высоким офисным зданием, вокруг которого столпились люди в костюмах. Рядом стоял десяток машин скорой помощи, возле одной из них на земле лежали пять длинных черных мешков. На пассажирском месте сидел врач и, не выходя из машины, переговаривался со стоящими возле него охотниками.

Василий смотрел то на врача, то на черные мешки. На его лице читалась растерянность. Водитель скорой нервно курил в нескольких шагах от автомобилей, а врач только тяжело вздыхал и мотал головой.

Побледневший Глеб расхаживал туда-сюда, держа под мышкой шлем. На его плече был стандартный для Форты МР7, на спине – выдавленная в бронежилете охотничья эмблема. Время от времени майор бросал взгляд в сторону остальных, и тогда его охватывала сильная дрожь. На подбежавшую Марину никак не отреагировали. Василий сказал

что-то врачу и двинулся через толпу к входу в офисное здание. Юра дождался, чтобы Вася скрылся среди серых костюмов, и догнал Марину.

– Рассказывайте, – девушка обратилась к усталому мужчине в белом халате.

– Он делает что-то с кровью, – сказал тот почти грустно. – Я не могу понять, что именно.

– Покажите.

Врач ударил раскрытой ладонью о кузов машины, из него выпрыгнул юный интерн в халате и чепце, сглотнул и молча расстегнул все пять мешков до середины, раскрыв лежавших внутри. Крупный усатый мужчина в форме охранника, три женщины в кружевных блузах и мальчик лет пятнадцати. Все они походили на статуи, высеченные из красного мрамора. Кожа всех пятерых была равномерно покрыта бордовой коркой. Одежда также пропитана кровью, уже свернувшейся и ставшей почти черной.

– Это длилось час, – сказал врач.

– Они час истекали кровью? – переспросила Марина.

– Нет, они были живы в течение часа с момента, как это началось, – мужчина шумно вздохнул. – Кровотечение не останавливается до сих пор. Их слишком поздно вынесли из здания, мы не могли понять, что происходит. Абсолютно здоровые люди истекли кровью без единой раны. – Врач нервно вытер платком лицо. – Похоже, это вирусный феникс.

– Принято, – кивнула девушка, ободряюще тронув врача

за плечо.

Юра смотрел на людей: глаза и рты широко раскрыты, пальцы скрючены, спины выгнуты. Он почти слышал их агонию. Безоблачное небо, казалось, было насмешкой. Он отмахнулся от мух, которые уже начали виться вокруг. В нос била вонь – железный запах крови смешивался с гнилым смрадом. Юра сморщился и старался дышать ртом.

В какой-то момент он заметил, что люди вокруг все выглядели как один: сведенные к переносице брови, хмурый взгляд и молчаливая растерянность. Яркое солнце освещало каждую фигуру в толпе. Все иногда оборачивались к машинам скорой помощи и испуганно косились на черные мешки, а потом снова обращали взгляд на здание. Они походили на поверхность затянутого тиной пруда, в который кинули камень, – вода равномерно волнуется, от центра к берегам.

В пяти метрах от толпы, вокруг небольшой каменной урны, орнамент которой уже был почти не виден из-за многочисленных слоев краски, образовалось место для курения. Люди небольшими группками отделялись от толпы и быстро выкуривали по паре сигарет, о чем-то переговариваясь. Стараясь не смотреть друг на друга, они перекидывались короткими, обрывистыми фразами. Часто от палисадника слышался кашель тех, кто не курил, но просил сигарету в надежде, что табачный дым их успокоит. Хотя никакого успокоения это не приносило, люди упорно продолжали сжимать в трясущихся руках измятые сигареты.

Юра наконец понял, что казалось ему неестественным в поведении людей вокруг. Все дышали носом, в толпе он не нашел ни одного лица, на котором отражалась бы гримаса от неприятного запаха. Не запаха – вони.

– Пошли, – коротко скомандовала Марина, уверенным шагом направившись к входу в здание.

Двинувшись следом, Юра внимательно вглядывался в лица людей, которые расступились, давая им пройти. Все были напуганы. На охотников они смотрели одновременно с благоговением и жалостью, будто на героев, идущих на верную смерть. От этих взглядов было не по себе, но больше Юру удивляло то, что зловоние усиливалась, а люди вовсе этого не замечали. Он шел, зажав ладонью нос, и видел удивление в глазах.

Все здание опоясывали переносные заграждения, вдоль которых были расставлены полицейские патрули. Офицеры стояли, убрав руки за спину, и смотрели поверх голов наблюдающих. Никто не пытался пройти вперед, так что полицейские просто ждали.

По ту сторону заграждений стояли, переговариваясь, трое: Глеб и Василий внимательно слушали высокого мужчину в полном генеральском облачении. На мундире сверкали золотые эполеты, через грудь тянулась ярко-красная лента – знак отличия. Коротко остриженные черные волосы, бледные глаза, кажущиеся почти прозрачными, узкие губы. Высокие скулы и большой прямой нос, высокий лоб. Но бо-

лее всего – сквозящая в каждом движении холодность.

– Генерал Марсель. – Марина быстро отдала честь и внимательно посмотрела на мужчину, ожидая команд.

Тот кивнул, бросив на нее короткий взгляд, после чего заметил Юру.

– Кто? – Его глаза едва ли хоть на секунду задержались на лице парня, в голосе генерала звучало ничем не скрываемое презрение.

Юра открыл было рот, но ощутил, как на него рухнула воображаемая скала, раздавив своим весом. Он перевел взгляд с генерала на Василия, который смотрел на него не моргая.

– Доброволец, – выдавил Василий сквозь зубы.

Юра нервно улыбнулся и кивнул. Похоже, никто, кроме них, напряжения не заметил.

– Имя?

– Краев Юрий Петрович, – торопливо отозвался парень.

Марсель кивнул и, с силой хлопнув Василия по плечу, чеканным шагом пошел в противоположном от зеркальных дверей направлении. Толпа тут же расступилась: генерал ни разу не опустил взгляда ни на одного из испуганных людей, они же смотрели на него с неподдельным восхищением. Высокий и сильный, он шагал, отбивая каблуками ровный ритм и не выражая никакого беспокойства. Его уверенность действовала на толпу успокаивающе, передавалась каждому. Спустя несколько мгновений генерал уже скрылся за тонированными стеклами серо-голубого автомобиля, который со-

рвался с места и, мгновенно разогнавшись, исчез из поля зрения уже через секунду.

Краев задумчиво смотрел вслед генералу, как вдруг ощутил сильный толчок в грудь. Вася, побелевший от злости, схватил его за мундир, и, скрутив зажатую в кулаке ткань, сначала с силой оттолкнул от себя, а потом притянул обратно и резко дернул вверх, почти приподняв Юру над землей. Тот, не сразу осознав, что происходит, ударил ребром ладони по запястьям Василия. Его руки непроизвольно разжались, высвободив Юру, который сразу же оттолкнул охотника от себя и непонимающе посмотрел на него, поднимая брови.

– Что ты здесь делаешь?! – Василий резкими, нервными движениями растирал ушибленные запястья.

Одернув мундир, Юра поднял на мужчину спокойный взгляд:

– Случайно получилось.

Марина втиснулась между ними, и, применив локти и слегка грубую силу, сумела разнять их. Василий, крепко схватив ее за руку, развернул к себе лицом:

– Как это вышло?!

– Так ты же сам сказал, что он доброволец. – Девушка высвободилась и посмотрела на начальника исподлобья. – Сказал бежать, мы побежали.

Вася молча зашел за их спины и одним резким движением вытолкнул Марину с Юрой вперед. От неожиданности они чуть не упали, но, сделав еще несколько шагов по инерции,

на ногах устояли. Оба пораженно уставились на Василия, который невозмутимо смотрел на них сверху вниз. Глеб хотел последовать за ними, но Василий выставил перед ним руку, не дав пройти.

– Видите линию перед собой? – спросил глава отряда ледяным тоном.

Юра и Марина посмотрели на неровную черту, выведенную желтой полицейской лентой, и кивнули.

– Это – граница воздействия нашего феникса. Ваша задача – найти и обезвредить. Приступайте.

– Что?! – выдохнули Юра и Глеб в один голос.

– Я на это не подписывался, – сбивчиво начал первый.

– С хрена ли ты меня не пускаешь?! – возмутился второй.

– Наказание обсудим, если вернетесь, – добавил Вася. – Ты – со мной, – сказал он, коротко взглянув на Глеба. – Это приказ.

Глеб, сначала растерянно переводивший взгляд с Марины на начальника, молча оттолкнул руку Василия и шагнул через ограничительную ленту.

– Ты не знаешь, что такое «приказ»? – процедил Василий.

– Хуяз! – передразнил его Глеб и показал средний палец.

Ни один мускул на Васином лице не дрогнул, он не перевел взгляда и не убавил холода в голосе:

– Если выживешь, считай, ты уже разжалован.

– Да похрен, – бросил тот, уже стоя возле входа в здание.

Не сказав больше ничего, Василий развернулся и скрыл-

ся в толпе. Краев слышал его слова будто сквозь туман. Все вокруг расплылось, оставив четкой только ярко-желтую линию, которую, трясясь от страха, расклеивали офицеры. Линия была неровная, часто с разрывами и складками, потому что руки, которые приклеивали эту ленту, дрожали и теряли чувствительность. Помечая ограничительный рубеж, разделяя безопасность и смерть, они слышали доносящиеся от машин скорой помощи слабеющие крики живых еще людей. Первыми начали затихать женские голоса, они уже не кричали, а еле слышно плакали, прося прекратить боль.

Последним замолчал мальчик. Рыжеволосый, высокий и чересчур худой старшеклассник, он решил подзаработать на каникулах и устроился курьером. Весь день по жаре отвозил неясные для него документы из одного конца Москвы в другой, размышляя, на что бы потратить заработанные к осени деньги – купить гитару или проапгрейдить отданный старшим братом мотоцикл. Заглянув в офис, чтобы передать очередной конверт с документами и забрать долгожданную зарплату за первый в его жизни рабочий месяц, он сразу заметил, что что-то не так. В здании, сверху донизу залепленном белоснежной плиткой, было тише обычного.

Исчез привычный гомон постоянно звенящих телефонов, не было слышно топота сотрудников, бегающих туда-сюда с ненужными бумажками. Списав это на волшебство пятничного утра, мальчик направился на четвертый этаж, где располагалась крошечная турфирма, на которую он работал.

Его собственные шаги отражались от дешевых стеновых панелей и оглушали. Мальчик ожидал увидеть пустующий офис, однако все сотрудники были на месте. И появление курьера никто не заметил.

Все было недвижимо – замершие пылинки поблескивали на утреннем солнце. Погруженные в этот болотистый воздух, люди замерли в каком-то неестественном стоп-кадре. Выбивались лишь короткие гудки, доносившиеся из телефонной трубки, которую держала секретарша – пышная дама, застегнувшая недостаточно пуговиц на своей полупрозрачной блузке.

Невысокий мужчина, плохо переносящий жару и обычно постоянно протирающий лицо носовым платком, стоял спиной к ксероксу. Он держал в руках небольшую стопку листов, все еще не вставив их в нужный отсек аппарата. Женщина, занимающаяся бухгалтерией, выглядывала из соседнего кабинета, не решаясь зайти.

Застывшие пылинки всколыхнулись от тихого стога. За столом в центре комнаты сидела стройная девушка в блузке с мелким цветочным рисунком. Она смотрела на свои ладони, покрытые крошечными блестящими бусинками крови. Девушка ровно дышала, не моргая. Она медленно повернулась к мальчику и, ничего не говоря, притронулась к своей левой щеке. Курьер сделал то же самое, и ладонь коснулась чего-то мокрого и теплого. Он, задержав дыхание, отвел руку и посмотрел на пальцы, которые были перемазаны ярко-алой

кровью.

Мужчина, замерший возле ксерокса, упал первым, вновь приведя все в движение.

Краев машинально поднес ладони к лицу и внимательно их осмотрел – ничего. Он поднял взгляд и столкнулся с сотнями испуганных глаз. Мундир охотника обязывал его скрывать страх, а приказ – идти внутрь. Причем неважно, насколько свинским с его точки зрения этот приказ был.

Там, в глубине белоснежных звенящих коридоров, находится настоящий феникс.

– Что, думаешь, тебе крышка? – раздалось рядом.

Юра повернул голову и встретился взглядом с Глебом, который выглядел то ли испуганным, то ли обеспокоенным. Он быстро пробежался глазами по перепуганным лицам перед собой и, закусив губу, чуть дрожащими руками проверил предохранитель на MP7. Вдруг Юра понял, что все, что он принял за страх, на самом деле было нетерпением.

– Ну что, – Глеб широко улыбнулся и подмигнул толпе. – Пора поймать птичку.

Сказав это, он развернулся и, закинув оружие на плечо, наслаждался раздавшимися позади криками поддержки.

Глеб скучал по этим моментам. Он обожал, когда дамы смотрели на него как на героя (коим он действительно несколько раз себя показал), мужчины – с уважением, дети – с восхищением. Он забывал о самом существовании страха, когда слышал восторженные вопли за спиной. Кожей

впитывал каждый голос, подбадривающий его. Он справится с этим фениксом, убьет чудовище. А когда выйдет из пластикового, наскоро слепленного здания, его встретят вдвое громче.

– Viens ici p`tite pute je vais te fumer¹, – присвистнул Глеб по-французски.

Юра неуверенно последовал за охотником, зажимая нос, чтобы не чувствовать зловония, кляня себя на чем свет стоит за то, что по глупости ввязался в это дело. Да что уж там, по вселенской тупости. Он хотел было развернуться и отправиться домой (конечно же, его уволят, но черт с ней, с работой). Несколько долгих секунд он боролся с желанием сигануть в первый подъехавший автобус, добраться до дома, завалиться на диван и сжигать бесчисленные часы за просмотром кино и играми, притворяясь, что ничего из услышанного и увиденного здесь с ним не случилось.

В этот момент он услышал всхлипывания и тонкий женский голосок. Девушка, срываясь на хрип, читала молитву, путая слова и рыдая. Юра оглянулся вокруг, напряженно вслушиваясь. Он жестом попросил толпу замолчать, и люди, к его удивлению, послушно затихли. Молчали все, кроме девушки, которая так же горько плакала, то выкрикивая слова молитвы, то шепча их. Краев растерянно взглянул на толпу. Девушка была не среди этих людей. Она была в здании.

Когда Юрий подбежал к крыльцу, Глеб и Марина уже

¹ Иди сюда, сучонок, сейчас я тебе пиздюлей дам (фр.)

скрылись за стеклянными дверями. Он схватился за широкую стальную ручку и тут же, вскрикнув, отдернул руку – весь дверной каркас вместе с ручкой был раскален настолько, что жар отходил от него волнами.

Юра всмотрелся в фигуры за стеклом – Марина хлопала ладонью по кнопке вызова лифта, Глеб кругами ходил вокруг нее, крепко держа автомат наготове. Оба охотника были абсолютно спокойны. Юра позвал их, сложив ладони рупором, но реакции не последовало. Громко выругавшись, он быстро снял мундир и, сложив его в четыре слоя, обхватил плотной тканью дверную ручку, резко дернул на себя и успел проскочить внутрь до того, как раскаленная сталь вновь коснулась кожи. Он облегченно вздохнул, но вдруг едкий черный дымок заструился прямо перед его носом. Он вскрикнул и, отшвырнув загоревшийся в руках мундир, поспешил затоптать пламя ногами.

– Эй, новенький, – Глеб звонко свистнул, заставив Юру вздрогнуть, – нам наверх, пошли.

Юра еще раз обернулся на то место, где лежал его обгоревший мундир. Взглянул на руку – ожога нет, кожа целая, хотя в голове все еще пульсировала тупая боль.

Раздался скрип раздвигающихся дверей лифта, и парень успел забежать в тесную кабину до того, как они закрылись.

– Так, мне плевать, кто ты, – Марина сосредоточенно перепроверяла оружие, бросив быстрый взгляд на Юру. – Просто не путайся под ногами.

Глеб нажал на кнопку четвертого этажа, и спустя пару секунд лифт взвыл старыми тросами, дернулся и пополз вверх.

– Вы не обожглись? – Юра схватил их обоих за руки, пытаясь взглянуть на ладони.

– С чего бы? – Марина выдернула ладонь, посмотрев на парня в недоумении.

Глеб удивленно наблюдал, как Юра оглядывает обе его руки – автомат, брякнув, повис на плече охотника. Ни на ладони, ни на тыльной стороне ни следа.

Лифт тащился неоправданно медленно, будто пробираясь через болото.

– Погадай мне, симпатяга, – хохотнул Глеб, подставляя ладони ближе к лицу Юры.

– Что ты ищешь? – Марина шлепнула Глеба по рукам.

– Двери были раскаленные, как вы зашли?

– Чего? – девушка удивленно выгнула бровь.

– Говорю, двери были кипятком!

– Не помню такого, – отозвался Глеб, обиженно потиравший ушибленные руки.

– Но... – Юра нахмурился. – Черт, эта девка не дает думать.

– Какая девка? – Марина вздохнула.

– Ну, эта, которая плачет, – он кивнул в сторону дверей. – Блин, она внутри вообще?

– Эм, малыш. – Девушка положила руку ему на плечо и внимательно посмотрела в глаза. – Тут только мы.

Лифт дернулся, несколько секунд жужжал, пытаюсь возобновить подъем, но потом, громко щелкнув, задрожал и спустя секунду замер.

– Э-э-эй. – Глеб растолкал всех, пробравшись к дверям, и с силой по ним ударил.

Кабина не шевельнулась. Марина отчитала напарника за панику, шум и покушение на казенное имущество, после чего снова обратилась к Юре.

– Что ты слышишь?

– А вы – нет? – Юра удивленно переводил взгляд с охотницы на охотника.

Глеб пожал плечами, глядя на него с подозрением. Девушка внимательно смотрела в упор и медленно помотала головой из стороны в сторону.

– Все тихо, – ответила она. – Так что именно ты слышишь?

– Женский плач, – ответил он растерянно.

– Ты понимаешь, кто это? Кроме нас троих в здании есть только один человек.

– Стой, так ты, – Глеб схватил Юру за плечо. – Ты феникса слышишь! Здорово!

– Ничего хорошего, – возразила Марина, – первым делом по возвращении сдашь кровь на анализ, – увидев недоумение на лицах обеих парней, она добавила: – Люди не слышат фениксов, это ненормально. Но... Разберемся с этим позже. – Она потрянула головой, приводя мысли в порядок. – Расскажи больше о том, что слышишь.

Юра не разобрал последних слов, женские стоны заглушили охотников. Он не мог определить, откуда исходит голос, – тот звучал сразу везде. Всхлипы и плач вязким желе просачивались через вентиляционные отверстия под крышей кабины и медленно сползали по стенам, собираясь жижей в ногах. Юра чувствовал, как эти стенания вытесняли воздух из лифта, а густой плач поднимался все выше, топя охотников в себе. Скоро он заполнит всю кабину полностью, а люди, в ней находящиеся, захлебнутся в срывающихся на хрип мольбах о спасении.

Краев машинально приподнялся и вытянул шею, хватая ртом стремительно исчезающий воздух. В голове билось одно единственное слово: «Умру».

В какой-то момент ему показалось, что он не только ощущает вязкое болото, в котором тонул, но и увидел его – тугая темнота заполнила кабину лифта и тянулась вверх. Ее уровень достиг лиц охотников, тягучая маслоподобная жижа забила их рты и ноздри, залила глаза и продолжала подниматься.

– На меня смотри. – Девушка схватила его лицо, крепко сжав ладонями, и заставила посмотреть на нее. – Где ты впервые услышал это?

Тусклый желтый свет лифта резанул глаза, болото исчезло, но парень все еще чувствовал горький привкус и запах гари.

– На улице. – Он смотрел в болотисто-зеленые глаза охот-

ницы.

Крики цепляли его за кожу, глубоко вонзаясь в нее, и тянули его от этих глаз. Но девушка крепко держала, ее ледяные пальцы касались его бровей и висков.

– Где она? Снаружи?

– Нет.

– А где?

Он смотрел на нее, вслушиваясь в вязкие стоны.

– Прямо здесь.

Марина вглядывалась в лицо парня, который вдруг успокоился. Голос стих, стенания и крики исчезли. Юра почувствовал, как по его левой щеке скользнуло что-то вязкое и горячее. Марина медленно убрала от лица Юры правую руку. На его щеке остался алый отпечаток.

Девушка машинально вытерла ладонь о мундир, на темно-зеленой ткани остались черные следы. Но на кончиках пальцев тут же выступили новые красные бусины, которые набухали, а после, став слишком тяжелыми, скатывались по длинным пальцам, собравшись на ладони крошечной кровавой лужицей. На месте соскользнувших капель появлялись новые. С гулким шлепком протянулась от руки до пола тонкая алая струйка, наполняющая воздух вокруг железным привкусом.

– Надо выбирать. – Глеб первым сумел отвести взгляд от непрерывной красной линии.

Он поправил перекинутый через плечо ремень автомата и

потянулся к потолку в поисках аварийного люка.

– Нам нужны бинты, – вторым очнулся Юра.

– Ничего нет, – Глеб с силой бил по потолку, пытаясь найти проход.

Желая привести помещение в приличный вид за минимальные деньги, хозяева здания решили залепить всю кабину дешевыми пластиковыми панелями с мраморным узором. Получившееся смотрелось неплохо, но никто не подумал о том, что злосчастный ремонт скрыл люк в крыше. Точнее, все на это наплевали.

Не добившись ничего кулаками, Глеб снял с плеча автомат и прикладом принялся колотить потолочные панели. Они, не выдерживая напора, осыпались, наполнив кабину мелкой пластмассовой пылью.

Юра стянул футболку и разорвал ее на несколько лоскутов. Одним он наскоро перебинтовал руку девушки, которая все еще замороженно наблюдала за тем, как новые и новые капли скатываются по пальцам. Остальные плотно свернули и запихнул в карманы джинсов. Всего через минуту серая ткань начала темнеть, пропитываясь кровью.

Наконец, сбив с потолка очередной фрагмент, Глеб нашел линию люка. Уже руками он ободрал остатки, полностью освободив квадрат стороной в полметра. Дверца поддавалась сразу же, со скрипом откинувшись вверх. Этот резкий звук заставил Марину вздрогнуть, она с хрипом вздохнула и подняла взгляд.

– Ты как? Подняться сможешь? – Глеб положил руку ей на плечо и чуть встряхнул.

Девушка кивнула, чуть туже затянув влажную от крови ткань, и шагнула к люку. Юра присел и сложил руки, чтобы посадить ее. Марина ухватилась за край прохода, а напарник подтолкнул, чтобы она смогла выбраться наверх. Спустя несколько секунд все трое очутились рядом с девушкой на пыльной, перемазанной машинным маслом крыше лифта.

– На дверях должен быть аварийный механизм, – Юра осматривал стену шахты, подсвечивая фонариком телефона.

Кабина замерла между третьим и четвертым этажами. Кромешная темнота шахты лифта рассеивалась лишь тонкими щелями внешних дверей, которые недостаточно плотно закрывались. Двери третьего этажа заканчивались, не доходя охотникам до колен, а двери четвертого начинались полутора метрами выше.

Приблизившись вплотную, Глеб разглядел в щель блестящий в электрическом свете белоснежный кафельный пол узкого коридора, он оказался прямо на уровне его глаз. Вдоль серых пластиковых стен на равном расстоянии друг от друга зияли безмолвными дырами проходы в офисы маленьких компаний. Напротив каждой двери – окна, в которые заглядывало белое предвечернее небо, которое Глеб не видел, но ощущал.

В одинаковом ряду офисов лишь четвертая от них дверь врезалась в белоснежный пол темно-красным тараном. По-

что черное пятно, уже полностью заполнившее офис, медленно тянулось к окнам, растекаясь по белому кафелю.

– Ты слышишь что-нибудь? – Марина расстегнула несколько пуговиц мундира и в получившийся карман попыталась уложить кровоточащую руку. Та совсем не слушалась. Закрепив ватную ладонь покрепче, она убрала со лба намокшую челку и прислонилась спиной к стене шахты. У нее сильно кружилась голова, лифт, казалось, то и дело срывался вниз, она не чувствовала опоры под ногами.

– Нет, – ответил Юра, с полминуты внимательно прислушиваясь. – О, нашел!

Он, убрав телефон в карман, дернул на себя какой-то рычаг, который поддался не сразу. Раздался хлопаящий звук залитого старым маслом механизма, и двери со скрипом и дребезжанием разъехались в стороны. Глеб дождался, чтобы они раскрылись на треть, подпрыгнул, подтянулся и выбрался на скользкий пол.

Оказавшись снаружи, он тут же развернулся и протянул руки вниз, схватил Марину, которую подсадил Юра, и вдвоем они помогли девушке выбраться из шахты. Марина отошла от дверей лифта и села на пол перед окном, глубоко вдыхая жесткий летний воздух. Глеб протянул руку в темноту, но шахта ответила ему оглушающим треском и скрежетом.

Облаком в лицо мужчине вылетела черная пыль с ошметками масла, раздался металлический рев и грохот. Глеб плюхнулся на пол и по грудь нырнул в шахту.

– Упал? – выдохнула Марина, метнувшись к лифту.

Ответом ей была отборная ругань, раздавшаяся из глубины масляного тоннеля.

– Держу! – Глеб рванулся вперед, девушка успела схватить его здоровой рукой за щиколотку, завалившись на бок.

– Эй, конфетка, ты как? – крикнул Глеб, висевший над пропастью шахты по пояс.

Одной рукой он держался за не до конца открывшуюся дверь лифта.

– У меня еще достаточно сил, чтобы навалить тебе, – хрипло отозвалась девушка.

Она часто моргала, пытаясь прогнать темные пятна перед глазами.

– Ладно, фея моя. – Глеб улыбнулся, когда девушка чуть сильнее сжала его ногу. Он прекрасно ощущал, насколько слаба была ее хватка. – Эй, новенький! – крикнул он уже в глубину шахты. – Хватайся за трос!

– Он металлический, – раздалось из темноты. – Слишком горячий.

Темнота становилась болотисто-густой. Глеб видел только побелевшие пальцы, вцепившиеся в его руку. Дальше – полная, глянцевая, густая темнота, скрывавшая любые очертания человека. Охотник не был уверен, держит ли он Юру, или тот уже упал вслед за оборвавшейся кабиной лифта и лежит внизу, среди искореженного металла. Потому что он держал только руку, не человека. И лишь глухой голос, доно-

сившийся будто через стену, уверял его, что разжимать пальцы нельзя.

Он закусил губу и резко оттолкнулся от дверцы лифта, за которую держался. Плечо заныло, мышцы начали гореть. Еще толчок – и он вновь выбрался на кафельный пол по грудь.

Из болота темноты вынырнула вторая рука, ухватившись за край дверного проема. Еще секунда, и на белоснежном полу появилась третья фигура. Юра тяжело дышал, откашливаясь. Легкие драло песком при каждом вдохе, он с трудом хватал воздух ртом. Стоя на четвереньках и упершись лбом в пол, он не знал, что было ему нужнее сейчас: воздух, которого совсем не было там, в темноте, или холод кафельной плитки, ласкавшей пальцы.

Юра не сразу понял, что лифт под его ногами рухнул вниз. В какой-то момент качнулась крыша. Железная, скользкая от масла основа пошла волнами под его ногами и исчезла. Он махнул руками, не дотянувшись до края выхода, и полетел вслед за скрежетом и грохотом. Рука сама схватилась за стальной трос, парень не успел ни осознать что-либо, ни среагировать.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он не падает, а висит в крошечной темноте, которая сгустилась и клубилась вокруг него, притянутая ощущением скорой смерти. Узкие иглы света от внешних дверей пропали все одновременно, погрузив его в вязкую смолистую жижу.

Она забивалась в ноздри и рот, не давая дышать. Скользила между пальцами, мешая держаться за трос, щекотала мочки ушей, нашептывая слова гибели.

Юра схватился за трос второй рукой и, с трудом поняв, где верх, где низ, а где он сам, подтянулся, поднявшись на пару метров. Он не видел ни рук, ни троса, но металл в его руках теплел с каждой секундой. Вскоре в нос ударил запах горелой кожи. Парень с трудом отдирал обожженные ладони от троса и подтягивался вверх.

Рука над его головой появилась за мгновение до того, как пальцы разжались бы, а человек полетел бы в разинутую пасть шахты.

И он все равно провалился.

Ошарашенно прижимаясь к холодному полу, Юра во всех деталях вспоминал, как его тело коснулось дна шахты, органы разорвались, череп разбился.

Но вот он – тут.

– Отныне только здоровый образ жизни, – выдохнул запыхавшийся Глеб, разминая руки, – только лестница.

– У нас это в уставе прописано вообще-то, – Марина потерла переносицу.

– Надо его почитать, – кивнул охотник.

Юра внимательно разглядывал свои ладони. Он уперся лбом в ледяной пол и, поджав руки, поднес их к лицу. Ни царапины. В голове по кругу всплывали воспоминания, как он отдирал прожженные до костей ладони от раскаленного

троса, в носу все еще стоял запах горелой плоти. Боль продолжала дрелью просверливать мозг. И она, эта боль, была настоящей, и запах, и жар – все было на самом деле. И смерть была настоящей. Но сейчас он смотрел на абсолютно невредимую кожу.

Женский голосок заставил его оторвать внимание от этих мыслей. Слова быстрыми струйками текли по полу и стремились к нему. Краев медленно поднял голову и прислушался. Совсем слабые всхлипы и путанные слова молитв.

– А теперь за птенчиком. – Глеб вскочил на ноги и, держа автомат наготове, направился к комнате, из которой медленно вытекала лужа крови.

– Стой, – сказал Юра негромко, но достаточно резко.

Охотник остановился, недоверчиво обернувшись на него.

– Нет времени, новенький.

– Ты ее напугаешь. – Парень поднялся и быстро подошел к Глебу. – Она испугается и снова это сделает. Вот, на, – он выхватил оставшиеся куски серой ткани из карманов и протянул их охотнику, – смени повязки.

– Ты понимаешь, что там – феникс? – вмешалась Марина.

Она снова перебралась к окну и тяжело дышала, облокотившись о стену.

– Да.

– И что он убил шестерых?

– Пятерых, – резко поправил Глеб.

– Да без разницы, – ухмыльнулась девушка. – Справишь-

ся?

Юра молча кивнул и, не оборачиваясь на охотников, пошел к расползающейся бордовой луже. Глеб, бормоча что-то под нос, присел рядом с ослабевшей девушкой и, аккуратно достав ее руку из мундира, снял пропитанные кровью повязки. На руке не было ни единой раны, но красная жидкость все так же текла с ладони тонкой непрерывной струйкой.

Юра подошел к краю алого пятна, от которого тянулось несколько кровавых троп, появившихся, когда выносили трупы. Он с минуту стоял, не решаясь шагнуть вперед.

Нога погрузилась в теплую жижу, мягкую, как растопленный воск. Вокруг его ног кровь мгновенно застывала и оставалась окаменевшими черными отпечатками кроссовок. Вдруг плач девушки изменился, он перестал звучать отовсюду сразу.

Теперь он раздавался из-за стены и был абсолютно реальным, человеческим. Но чем живее становился голос, тем сложнее было идти. Воздух потяжелел, он давил на плечи и голову свинцовыми лапами, пытаясь прижать к полу. Еще через несколько шагов Краев смог зайти внутрь и осмотреться.

Белизна, наполнявшая кабинет ранее, едва просматривалась через пятна крови, покрывавшие его почти полностью. По стенам тянулись длинные кровавые полосы, начинавшиеся отпечатками рук. Со столов с тихими щелчками срывались алые капли.

В дальнем углу, свернувшись калачиком, лежала крошечная девушка, крепко сжимавшая серебряный крестик и иногда целовавшая его дрожащими губами. Ее белый сарафан был перепачкан, волосы и лицо полностью покрыты кровью. В этой комнате, насквозь пропахшей смертью, лишь в ее светло-серых глазах читалась жизнь. Она лежала на боку, поджав ноги и обняв одной рукой колени. Смотрела прямо перед собой, но, казалось, ничего не видела.

На почерневшем от крови лице белесыми шрамами от уголков глаз тянулись тонкие полосы – в какой-то момент она вовсе забыла о слезах, которые не прекращали литься.

Юра смотрел на нее, крохотную испуганную девочку, и невидимая тяжесть вновь ударила по нему, пытаясь пробить насквозь, слить с кровью на полу. Парень попробовал сделать шаг вперед, но ногу пронзило резкой болью. Он вскрикнул и, потеряв опору, упал на пол, успев в последний момент выставить руки вперед.

Приподнявшись, он вдруг заметил в багряном глянце лицо. Сначала принял его за свое отражение – перепуганный кудрявый парень с ошалелыми глазами. Но спустя секунду в этом лице что-то переменялось. Медленно, едва заметно, губы растягивались в улыбке. Брови сведены, в глазах... азарт?

Человек, смотревший на Юру с той стороны кровавого пола, горел нетерпением. Как спортсмен, истосковавшийся по тренировкам за время травмы, ожидающий, когда его выпустят на поле. Он улыбнулся еще шире, продемонстрировав

острые белоснежные зубы – его рот был полон клыков одинаковой формы, похожих на наконечники стрел. Юра хотел отвернуться, но тело не слушалось. Казалось, что воздух вот-вот раздавит его.

Отражение, внимательно глядевшее ему в глаза, вдруг посмотрело за его плечо. В крови отражалось черное марево, раскинувшееся позади. Иногда в этом облаке мелькали лица – мужские, женские, детские. Все они выглядывали из непроглядно-черного тумана, счастливые, широко улыбающиеся, смотрели по сторонам, смеялись, глядя на Юру.

Марево опускалось ниже, лица появлялись чаще. Среди остальных выглянула Марина. Всего на мгновение – она испуганно посмотрела на него и тут же исчезла.

Юра снова встретился глазами со своим отражением. Они оба дрожали. Юра – от давящего сверху веса, который уже едва выдерживал, отражение – от нетерпения. Он опускался все ниже. И, наконец, упал лицом в кровь.

Сначала ему показалось, что его придавило к полу резким толчком в спину, но в действительности причиной тому был рывок вперед – кто-то обхватил его за шею и притянул к полу.

Кровь начала стремительно подниматься по его коже, покрывая плотным слоем. Он лежал лицом вниз, чувствуя, как теплая жижка скользит по спине. Перед глазами все поплыло красными и черными пятнами – он не мог понять, открыты были глаза или нет. Несколько раз ему показалось, что он

снова увидел мелькающие в темноте лица, но теперь все они были испуганы. Они выглядывали с привычной улыбкой, но потом резко менялись, исчезали уже обезображенными гримасой ужаса.

Вдруг воздух стал невесомым и сухим. Юра осторожно пошевелил руками, ощутив, как вязкая жидкость нехотя течет сквозь пальцы. Давление исчезло, лица тоже. Вокруг была только кровь. Больше ничего.

Краев резко вскочил на ноги и в два прыжка оказался в углу, где, сжавшись в комочек, лежала девушка. Она замерла – не плакала, не молилась и не дышала. Он, рухнув рядом, быстро сжал ее запястье – пульса нет. Девушка не выглядела мертвой. Страх в ее застывших глазах был такой же живой и настоящий. В ушах стоял ее дрожащий голос – человеческий, испуганный, обреченный. Он размял ноющее плечо – эта боль тоже была настоящей. Сила, не дававшая ему подойти, не была игрой воображения.

Он подскочил к окну, резко его раскрыл – дышать этим сухим железным воздухом больше нельзя. На оконной раме остался алый отпечаток его руки. Юра высунулся наружу – на улице воздух был такой же шершавый. И тоже пах кровью. Толпа на маленькой площади под окнами исчезла, ничто не шевелилось – не было ни движения, ни звуков. Абсолютная тишина.

– Ты ищешь меня? – раздался ласковый голос откуда-то снизу.

Он внимательно посмотрел вокруг и наконец заметил крошечную белокурую фигурку. Девушка с прозрачно-серыми глазами стояла рядом с палисадником, спрятавшись от солнца в тени невысокого дуба. Парень резко отпрянул от окна, поскользнулся на крови и чуть не упал, но сумел удержаться. Он посмотрел в угол комнаты – девушка, сжимавшая в руке перепачканный кровью крестик, лежала там, глядя перед собой невидящими глазами.

– Ушел?.. – послышался грустный голос с улицы. – Ну верни-и-ись.

Парень снова осторожно подошел к окну: там, рядом с девушкой в белом сарафане, кто-то был. Блеснули звездочки на погонах охотничьего мундира. Марина слабо улыбнулась, когда они встретились взглядами, и едва заметно кивнула, как бы говоря: «Да, это я».

Юра сломя голову выбежал из кабинета.

Возле пустой шахты лифта сидела, облокотившись о стену, девушка. На ее лбу и щеках выступили алые бусины, одежда почернела, пропитавшись кровью. Глеб сидел рядом, он замер с серой тряпкой в руке, вытирая кровь с ее лица. Они оба не шевелились. Юра подбежал, быстро проверил их пульс – его не было. Хотел сорвать с плеча Глеба автомат, но передумал и выхватил охотничий нож, висевший у того на поясе.

Краев рванул вниз по лестнице, преодолевая каждый пролет в два прыжка. Увидев охотников, он не успел ничего об-

думать, но если тут охотница не дышала, то там, на улице, она была жива. У него не возникало сомнений в том, что там была именно она, не мираж или призрак. Краев на бегу плечом раскрыл дверь и выбежал на улицу. Кожу обожгло кипящим воздухом, вокруг плыли вверх волны жара.

Юра оглянулся и заметил две фигуры. На траве рядышком сидели юные девушки – одна из них одета в мундир Фор-та, а у второй практически белые волосы, крупными волнами спадающие на плечи.

Блондинка радостно улыбнулась, заметив парня, и поманила ему, подзывая подойти ближе. Юра осторожно ступал по земле, не сводя глаз с девушек. Марина смотрела на него чуть нахмурившись, будто собиралась отчитать за какой-то промах. В нескольких шагах от них тихо переговаривались пятеро – плотный усатый мужчина, три девушки и долговязый рыжий юноша. Они бросили на него быстрый взгляд и, не заинтересовавшись, вернулись к своему разговору.

Белокурая девушка не стала дожидаться, пока парень к ним подойдет, и пружинящим шагом быстро пошла навстречу. Она раскинула руки в стороны, готовая обнять его. Юра не стал сопротивляться, белые девичьи руки обвились вокруг его шеи, напудренный носик уперся в щеку. Он растерянно погладил ее по спине.

Пальцы скользили по мягкой хлопковой ткани, когда горячий воздух колыхнулся от раздавшегося вскрика. Волны жара разошлись в стороны, на мгновение окатив всех вет-

ром. Блондинка медленно подняла голову, и на Юру посмотрели два ярко-алых глаза. Радужку залило кровью, которая пузырилась где-то в самом сознании девушки и выплескивалась наружу нескрываемой злостью.

Юра резко оттолкнул ее и рванулся в сторону Марины, но его плечо вдруг сжала чья-то сильная рука. Он обернулся: девушка, улыбаясь, медленно вытащила из живота окровавленный охотничий нож. Ее хватка была сильнее, чем можно было ожидать. Она притянула парня ближе – настолько, что он разглядел бурлящую кровь в ее глазах. И свое в них же отражение.

На него снова смотрел человек, горящий азартом, желанием двигаться, драться, воспринимающий происходящее как игру, в которой он без сомнения победит. Но теперь это было уже его отражение.

Он схватил левой рукой девушку за шею и легко поднял ее в воздух. Юра не мог понять, был ли это он сильнее или она легче, его это не интересовало. Девушка царапала его руку и колотила ногами воздух, пытаясь высвободиться, но он лишь сжал тонкую шею сильнее. Парень замороженно смотрел, как кровь в ее глазах затихала. Тонкие ручки безвольно болтались в воздухе, ноги ослабли, все еще не дотягиваясь до земли.

Он еще с минуту держал ее, потом отшвырнул обмякшее тело в сторону. Обернулся к Марине и столкнулся с ее полным ужаса взглядом. Охотница хотела что-то сказать, но

Краев почувствовал резкий удар в грудь, сбивший его с ног. Ощутил соленый вкус на губах.

Медленно приподнялся и снова столкнулся взглядом со своим отражением в глянце крови. Уставший, растерянный. Просто он. Снова в комнате, состоящей из страха. Слух резануло раздавшимся рядом всхлипом. Юра повернул голову и увидел девушку, сжимавшую в руке крестик. Она едва слышно шептала, как и прежде. Он торопливо подошел к ней и опустился рядом. Аккуратно погладил ее по щеке, и впервые взгляд светло-серых глаз уперся во что-то, а не посмотрел сквозь.

Девушка смотрела на него, не шевелясь и ожидая худшего – что кто-то умрет. Она или он, неважно. Юра осторожно взял ее запястье – под пальцами он ощутил сердцебиение. Облегченно вздохнув, поднял девушку на руки и вышел в коридор. Снаружи весь воздух концентрировался на тяжелом частом дыхании Марины. Глеб вскочил на ноги, направив на них автомат.

– Не стреляй, – глухо сказал Юра.

Он не был уверен, сказал ли это или лишь подумал, но Глеб, постояв еще несколько секунд со вскинутым автоматом, все же опустил оружие. Он смотрел с недоверием, но уверенность и спокойствие кудрявого «новенького» каким-то образом передались ему.

Он наклонился к Марине, не открывшей глаз, когда вышел Юра. Девушка дышала слабо, но с каждым вдохом спо-

койнее и легче. Глеб перекинул автомат за спину и, подняв напарницу на руки, быстро пошел следом за Юрой, который, ничего не сказав, направился к лестнице.

Краев все еще прекрасно помнил каждую ступеньку, хотя в прошлый раз пронесся по ней за несколько секунд. Ему казалось, что именно тот раз был настоящим, а сейчас он шагал будто во сне, неясно как переставляя ноги. Чувствовал, что, если сейчас он вдруг попробует сделать хоть один осознанный, осмысленный шаг – упадет с лестницы.

Он понимал, что на улице их ждет толпа перепуганных людей, давно бы разбежавшихся от страха, но им надо было увидеть, как охотники уничтожат тварь, убившую пятерых. Не увидев этого своими глазами, они не смогут заснуть.

Но ему хотелось очнуться и, вынырнув из этого сна, в котором у людей билось сердце, выйти в абсолютно пустой двор, и видеть себя, желающего драться и убивать.

Когда эта мысль мелькнула в его голове, Юра замер и зябко повел плечами.

Они вышли под палящее солнце и гул толпы. Люди дернулись вперед, но патрульные, стоявшие за стальной оградой, их удержали, не дав приблизиться. За желтой линией была видна высокая фигура главы охотничьего отряда и несколько врачей. Василий не шевельнулся, внимательно глядя на приближающихся.

Юра подошел к врачам и протянул им девушку. Доктора сочувственно склонили головы, посчитав, что перед ни-

ми шестая жертва феникса. Один из них перекрестился и, помотав головой, направился в противоположную от Юры сторону. Парень растерянно шагнул к следующему врачу, но тот так же непонимающе уставился на него.

– Морг дальше по улице, – сказал, он, вытирая толстые очки краешком халата.

На секунду эти слова выдернули Юру из действительности. Он взглянул на девушку, неподвижно лежащую на его руках. Худенькая, она вытянула шею, упершись лбом ему в плечо. В какой-то момент ему показалось, что сердце ее не бьется. И, прежде чем осознать обратное, он успел вздохнуть с облегчением.

Ему вдруг стали мешать голоса вокруг, лица, люди, стук сотен сердец. Слишком шумно, душно, жарко. Что-то внутри толкало его назад, в пустое здание, пронизанное вонью смерти. В легких росла та фраза, которую никак нельзя было произнести вслух, потому что она разрушит его самого до основания.

Он хотел обратно в пустой город, где темноту не прерывает ничье сердцебиение. Юра резко выдохнул, осознав одну простую деталь, которую не уловил ранее. Там, в тишине, сердца бились только у двоих. У него и монстра.

Слух снова наполнился гулом, солнце начало греть, а девушка, которую он держал, абсолютно точно была жива.

– Что с ней? – раздался резкий голос за спиной.

Юра повернул голову и увидел Василия. Охотник стоял в

полушаге от них, но глаз не поднимал. Сжав губы от сдерживаемого недовольства, он смотрел на девушку, жизнь в которой еле-еле выдавало слабое дыхание, со стороны, впрочем, практически незаметное.

– Не уверен, – выдавил Юра, глядя на его напряженное лицо.

Василий, никак не потревожив воздух, поднял руку и прикоснулся к шее девушки. Его пальцы легли на тоненькую венку, едва выступающую, и под ней он ощутил слабые толчки – кровь бежала от сердца и обратно к нему.

– Отнеси ее в любую машину скорой помощи и жди рядом. А вы, – он обернулся в сторону врачей, не глядя на них и даже не развернувшись к ним полностью, – все уволены.

– Уважаемый, я бы попросил! – затараторил один из врачей, раскрасневшийся от услышанного мужчина с внушительным пивным животом.

– Я бы попросил вас, – полковник сделал упор на последнее слово, – отличать живых людей от мертвых.

– Сосунок, – врач, говоривший ранее с Юрой, сплюнул на асфальт и достал из кармана измятую пачку сигарет. – Будто ты нам указ. Иди, соси мамкину сиську, а не учи меня.

– Разговор окончен, – спокойно ответил Василий, уже шагая от них прочь.

Он направился к высоким стеклянным дверям, из которых только что вынырнул Глеб с Мариной на руках. Ее голова и руки безвольно свешивались.

При каждом движении вокруг брызгами разлетались капли крови. Василий оказался рядом за доли секунды. Он резко выхватил Марину и, крепко обхватив девушку и прижав ее голову к своей груди, почти бегом направился через толпу.

Он промчался мимо охающих людей, при этом лицо его не изменилось ни на черточку. И только Глеб успел увидеть в глазах начальника то, чего не видел не просто много лет, а почти никогда. В момент, когда Глеб переступил порог здания, Василий поднял на них взгляд и на секунду перестал быть главой отряда охотников, а стал Васей. В глазах которого звенел страх за жизнь друга.

Глеб остался у входа, чтобы перевести дыхание. У него кружилась голова и давило ребра, будто он только что вынырнул, проведя под водой несколько минут. Вскоре он более или менее пришел в себя, выпрямился и развел руки в стороны, сведя лопатки, чтобы размять ноющую спину, и быстро обшарил толпу глазами.

Крыльцо здания располагалось на достаточном возвышении, чтобы можно было взглянуть поверх всех собравшихся и разглядеть стоявшие позади машины скорой помощи. Они показались ему продолжением черного нагретого асфальта – недвижимые, возведенные на тех же местах, где оказались сейчас. Он бы скорее поверил в этот момент, что автомобили расплавятся под солнцем и сольются с дорогой, чем тронутся с места.

Охотник несколько раз с силой моргнул и пригляделся к

машинам. Его командир уже давно находился в одной из них вместе с Мариной. Рядом с соседней машиной стоял кучерявый новенький. Он закусывал губу и, скрестив на груди руки, нервно смотрел по сторонам. Пару раз отходил на несколько метров от машины в сторону метро, но потом возвращался и заглядывал в кузов, где интерны оказывали первую помощь девушке, которую Юра вынес из здания.

Глеб направился к машинам. Быстро миновал толпу, уловив в первых ее рядах ругань врачей, которым одному за другим звонила с неопределяемого номера девушка с очаровательным бархатистым голосом и сообщала, что больница, которую те представляли, более в их услугах не нуждается.

Привыкший к подобному, Глеб не задержал на толпе ни взгляда, ни мыслей. Он быстро подошел к скорым, и одна из машин, вздрогнув и закашлявшись, завелась и принялась выплевывать серый дым из выхлопной трубы. Машина тряслась, готовая сорваться с места, когда ее задняя дверь открылась и оттуда выглянул Василий. Он коротко приказал Глебу отправляться следом, после чего машина рванула в сторону шоссе.

– Вы с нами? – спросил невысокий юноша с собранными в хвост черными волосами.

Он стоял возле соседнего автомобиля, убрав руки в карманы джинсов и облокотившись на капот.

– Да, поехали.

– А второй охотник?

– Кстати, о новеньком... – Глеб оглянулся, выискивая сутулую фигуру Юры. – Да, тоже едет, – поспешно добавил он, когда парень выразительно кашлянул. – У вас тут есть одежда?

Водитель скорой удивленно кивнул и, покопавшись в кузове, протянул охотнику бледно-голубой сверток.

– А менее похожие на детскую отрыжку цвета есть? – скривился Глеб, развернув форму интернов.

Водитель закатил глаза, не ответив, обошел машину с противоположной от охотника стороны и запрыгнул в кабину. Глеб пожал плечами и поспешил к Юре, который метрах в двадцати переминался с ноги на ногу.

– Прикрой срам, – он кинул скомканную футболку.

Юра рефлекторно поймал ее левой рукой и, недоумевая, посмотрел на охотника. Тот многозначительно оглянул парня с ног до головы и прочистил горло. Юра вздрогнул, вспомнив, наконец, что все это время стоял полуголый.

Вероятно, никто на это не обратил внимания – сняв мундир, он потерял все шансы быть кем-то замеченным. Что, впрочем, его более чем устраивало. Он натянул футболку на грязное тело.

Из машины выскочил невысокий интерн:

– Мы готовы отправляться!

– Как она? – Юра подбежал к медику.

– В полном порядке, – тот развел руками. – Спит. Но, тем не менее, ей придется какое-то время пробыть в больнице. –

Молодой человек выпрямил спину и выпятил грудь, стараясь казаться более важным. – Пройти детальное обследование, понаблюдаться у специалистов, ну и... – он замялся, – всякое.

– Значит, все хорошо. – Юра облегченно вздохнул.

– Круто, круто, – затараторил Глеб. – Мы мигом, ждите в карете.

Интерн попросил поторопиться и снова скрылся.

– Так, новенький, – охотник посерьезнел так резко, что можно было предположить, будто его место занял совсем другой человек. – Никаких попыток сбежать, ты в плену до дальнейших приказаний.

– Меня это не касается, вообще-то.

Юра похлопал по карманам, проверяя ключи. Их не было.

– Ого, Зорька, ты чего это? – хмыкнул Глеб.

– Приятно было познакомиться, – бросил парень и развернулся в сторону метро, но охотник проворно схватил его за предплечье.

– На охоту ходил? Дел натворил? Город спас? Вот и неси теперь ответственность.

Юра со всей силы дернул рукой, но высвободиться не удалось.

– Чего сразу не ушел тогда? – Пальцы Глеба сжались крепче.

– Хотел знать, что она в порядке.

– Ты и так знал.

– Мне надо было убедиться. Теперь, – снова попытался выдернуть руку, – я поеду домой.

Глеб разжал пальцы. Юра, недоверчиво на него взглянув, развернулся и зашагал прочь, не дожидаясь, чтобы охотник снова его хватал. Но тот, надев на лицо ухмылку, бросил вслед:

– Приказ генерала Марселя.

Краев остановился. Он отчаянно желал убежать отсюда. Воздух вытеснял его, что-то толкало в спину, чтобы он скорее уходил, било по затылку, чтобы не оборачивался. Он испытывал почти физическую боль за каждую лишнюю секунду, проведенную здесь.

Но девушка, спящая в машине скорой помощи, заставляла его пробивать телом стену, которая с грохотом падала перед ним снова и снова. Глеб наверняка заметил, что парень чуть дрожал, когда схватил его. И, конечно, заметил, что дрожь прекратилась, когда тот говорил о спасенной девушке. Но не мог знать, что Юра одеревенел и перестал дышать не из-за самой девушки, а из-за слова «надо», произнесенного вслух. В этом слове он мог сейчас поместиться целиком.

Узнать, что она невредима, услышать это от врача – он не хотел этого, он в этом нуждался. Он мог поклясться, что, услышь он от интерна-коротышки другое, случилось бы что-то... плохое? А что бы тогда случилось? Его холодила эта мысль. Ответ будто был на расстоянии вытянутой руки – влажный, скользкий, холодный. Но дотянуться невозможно.

С ней все хорошо. Остальное неважно.

Юра молча развернулся и последовал за Глебом, который уже открыл дверь кабины скорой помощи. Как бы сильно ни выталкивало его это место и собственное желание оставить все произошедшее позади, слова охотника подействовали отрезвляюще. Теперь он сможет забыть о случившемся, только если позволит генерал.

Глеб пропустил парня вперед, сообщив, что ему по званию положено сидеть возле окна, после чего тоже забрался внутрь.

Громко чихнув, машина тронулась с места и через мгновение уже мчалась по широкому шоссе, обгоняя автомобили один за другим. Глеб вжался в сиденье, вцепился в ручку над дверью и периодически рефлекторно нажимал на воображаемую педаль тормоза. Юра был спокоен, хотя его мотало на поворотах и он заваливался то на Глеба, то на водителя.

Последний сидел расслабленно, небрежно сжимая руль одной рукой. Он гнал быстрее, чем было необходимо, – девушка в порядке, спешки нет. Когда интерн и фельдшер, сидевшие в кузове, попросили его ехать аккуратней и медленней, он лишь разочарованно хмыкнул, потому что не удастся включить мигалку, и проигнорировал их просьбу.

– Эй, гонщик хренов, – выпалил Глеб после того, как автомобиль змейкой пронесся мимо десятка машин, обогнув их за пару секунд. – Ты нас на кладбище везешь?

– В больницу, – ответил водитель с непроницаемым ли-

цом.

– С такой скоростью можно сразу на кладбище!

– Ехать медленнее? – невозмутимо поинтересовался парень, не отрывая взгляда от дороги.

После того как Глеб в ярких выражениях подтвердил, что именно этого он бы и хотел, водитель молча снизил скорость. Потом еще раз. И еще. Он закатывал глаза и вел машину, держа на руле лишь указательный палец. На его лице была скучающая гримаса, будто он случайно попал не в тот кинозал и вместо захватывающего боевика смотрел документальный пятичасовой фильм о размножении дождевых червей.

– Дайте этому мальчику тортик, – ворчал Глеб, все еще на всякий случай держась за ручку над дверью.

Юра молча ткнул в кнопку радио. Помехи наполнили салон громким шелестом и щелчками. Парень крутил ручку приемника, но ничего, кроме шума помех, они не услышали.

– Сломалось, – вынес вердикт водитель.

– Два тортика ему дайте, – буркнул Глеб.

Голос водителя звучал гулко и негромко, как удар резинового мяча о стену. Он не выражал никаких эмоций, походил на механический имитатор голоса. За всю поездку парень ни разу не повернул головы, глядя только на дорогу перед собой.

– Вы поймали феникса? – вдруг спросил он.

Глеб набрал в легкие воздух, чтобы сказать что-то колкое, но глухо произнес:

– Не знаю. Но, похоже, его нет. Нам еще предстоит в этом разобраться.

– То есть феникс свободен? – нахмурился водитель.

– Слушай, э... Как тебя?

– Абдибакыт.

– Как? – Глеб развернулся к водителю и подставил ладонь к уху.

– Абдибакыт, – невозмутимо повторил тот.

– А краткая форма есть? – спросил Юра.

Водитель ничего не ответил, но скорость машины немного возросла.

– Так вот, Абди... – начал Глеб, но водитель недовольно скривился.

Охотник многозначительно уставился на Юру, прося помощи.

– Кыт? – предложил тот.

– Кы-ыт? – протянул Глеб, прощупывая почву.

– Ты это мне?

Глеб кашлянул:

– А точно краткой формы нет?

Машина резко остановилась прямо посреди моста. Всех троих дернуло вперед, но благодаря ремням безопасности до лобового стекла никто не дотянулся. Из кузова послышалась ругань. Водитель молча уставился на обоих парней, сведя густые брови к переносице.

– Ладно, буду называть тебя Сашкой, – на одном выдохе

протараторил Глеб голосом чуть более высоким, чем обычно.

Водитель недовольно хмыкнул, но ничего не сказал и вновь завел машину. Еще четверть часа они ехали молча.

Глава 2

Гадюка

Больница возвышалась над густым парком, ее окружавшим. Высокое бледно-серое здание вышвырнутым кирпичом тяжело лежало среди многолетних вязов и голубых сосен, устало взирая сотнями одинаковых узких окон, которые облепили стены, будто муравьи, взбирающиеся по муравейнику.

Парк погружен в тень, тихие беседы густой пеной заполняют все пространство между деревьями. Редкие больные, сидящие на лавочках или медленно прогуливающиеся среди немного запущенных клумб, дышали этими едва слышными разговорами и наслаждались воздухом, не пахнущим лекарствами. Пациенты и выбегавшие медсестры жадно вдыхали аромат рыжих ноготков и уже начинавших медленно потухать синих и желтых ирисов.

Машина скорой остановилась у въезда, интерны проворно

выскочили и, немного попрыгав, сумели вытащить из автомобиля каталку с девушкой, которая никак не отреагировала ни на тряску, ни на почти удавшуюся попытку перевернуть каталку вверх тормашками.

– Крепко спит, – махнул рукой высокий тощий мужчина, заметив взволнованные взгляды Юры и Глеба.

Водитель откинулся на сиденье и, выставив ноги в окно, закрыл лицо согнутой в локте рукой. Через мгновение из водительской кабины послышался негромкий, но внушительный храп. Юра дернулся было следом за убегающими вместе с каталкой интернами, но охотник преградил ему дорогу и сказал, что их ждут.

Так и было. Десять минут они блуждали по длинным гулким коридорам больницы – каждый холодный и тихий, за обшарпанными дверями лежат, глядя в потолок, скучающие и чего-то ожидающие пациенты.

Кто-то блуждает по коридору, взяв на всякий случай с собой телефон. Иногда из высоких дверей, выходящих на лестницу, проскальзывали внутрь пациенты, которые суетливо оглядывались вокруг и, если поблизости не было врачей, шагали к своим комнатам, шаркая растоптанными тапочками и радуясь тому, что удалось незаметно покурить и не наткнуться на докторов или сварливых медсестер.

Наконец Глеб остановился перед плотно закрытой двухстворчатой деревянной дверью, выкрашенной в белый лет пятнадцать назад. Такие двери пахнут старостью и пылью, но

каким-то образом держат в себе, не отпуская уже много десятилетий, тот едва уловимый уют, который возможно поймать в таких местах. Стоя перед этой дверью, можно не услышать ничего – как сейчас, а можно – смех и забытые истории, которые рассказывают болтливые барышни, заскучавшие от чтения однообразных детективов в мягкой обложке.

Глеб коротко постучал в дверь, громко назвал свое полное имя и звание, после чего, скрипнув, дверь распахнулась. Охотник зашел внутрь, склонив голову, Юра последовал за ним, на всякий случай сделав то же самое. Он чувствовал себя нелепо, глядя в пол, будто страшись оскорбить своим недостойным взглядом особу царских кровей. И это было очень близко к истине – на расстоянии одного шага и одного слова.

– Герои в сборе, – в тишине голос громыхнул ударом стального лезвия о камень.

Марсель стоял в изголовье кровати, на которой, ровно дыша, лежала Марина. Тихонько гудели приборы, кислородная маска мутнела с каждым выдохом. Генерал возвышался над девушкой темной статуей, готовой обрушиться всем своим весом. Он смотрел на нее изучающе, раздумывая, будто поймал диковинного зверька и не мог решить – сделать чучело или ковер. По-хищнически сверкая синими глазами, он легким – удивительно легким для кого-то столь высокого и каменного – движением провел кончиками пальцев по ее щеке от подбородка к виску.

– Итак, – Марсель поднял взгляд и посмотрел на собравшихся. – Я слушаю.

– Мы приступили к поиску сразу после поступления предупреждения, – отозвался Василий, стоявший у дальней стены.

Он скрестил руки за спиной и высоко поднял подбородок. Охотник смотрел прямо перед собой, не переводя взгляд ни на генерала, ни на девушку, ни на вошедших.

– И как звучало это предупреждение?

– Отдел поиска сообщил, что на следующей неделе ожидается рождение феникса.

– А место?

– Не сообщили.

– Когда вы узнали о происшествии?

– В 11:00 поступил первый сигнал тревоги.

– Когда вы начали охоту?

– В 11:00.

Слова бились друг о друга, сталкиваясь под потолком и высекая искры.

– Доложите о результатах охоты.

Искры достигли пола и потухли, погрузив комнату в тишину, которой мешало лишь гудение приборов. Генерал медленно подошел к главе охотничьего отряда и, приблизившись к нему почти вплотную, повторил:

– Доложите. О. Результатах. Охоты.

Он говорил, будто вонзая каждое слово между ребер охот-

ника и обжигая его своим дыханием. Василий не шевельнулся и не отвел взгляда от точки прямо перед собой. Он глядел сквозь стоявшего перед ним генерала. Тот, недовольно скривив тонкие губы, ждал ответа, которого охотник дать не мог.

– Мы поймали феникса, – сказал Глеб, шумно сглотнув.

Генерал медленно, не по-человечески, будто робот, повернулся к нему, и его губы изогнулись в насмешке.

– И где он? – Марсель сощурился, как большая хищная кошка перед прыжком.

– Т-тут, – охотник чуть запнулся, чувствуя себя неуверенно под неприязненным взглядом высшего начальства.

Генерал чуть наклонил голову в непонимании.

– В больнице, – пояснил Глеб.

– Ты смеешься надо мной, мальчик? – Генерал улыбнулся резко, неестественно, и вопросительно кивнул.

– Нет. – Охотник стиснул зубы, но не отошел и не отвел взгляда.

– Во-первых, недоумки, как вы додумались потащить якобы феникса в больницу?! – рявкнул он. – Во-вторых, все анализы в этой девке, которую вы, – на лице отразилось отвращение, – притащили, не выявили ни-че-го. В ней нет феникса.

Генерал обошел вокруг Глеба с Юрой и остановился позади.

– Ты думаешь, шутить со мной – хорошая идея? – спросил он резко, будто выпустив лезвие гильотины. – По первому

пункту весь отряд ждет выговор.

Глеб коротко кивнул.

– Где феникс?

– Мы убили его, – выпалил Юра, тут же пожалев, что раскрыл рот перед генералом.

– Восхитительно, – довольно протянул Марсель. – Где тело?

– Нет, мы убили самого феникса, – Юра выталкивал слова из горла, глядя в пол. – Мне так кажется, – торопливо добавил он.

– Повтори.

– Мы... Я убил феникса, – Юра поднял глаза и вздрогнул – генерал стоял прямо перед ним, обойдя его абсолютно бесшумно, и сейчас смотрел на него в упор сверху вниз, в раздумье приложив кончики пальцев к губам.

– Та девчонка была фениксом?

– Да, – Краев кивнул, сжавшись пружиной под натиском генерала.

– Но она жива. – Он медленно улыбнулся.

– Потому что я убил не ее, – Юра чувствовал себя идиотом, доказывающим, что небо должно быть зеленым, – а феникса.

С минуту генерал сверлил парня стальными глазами, но вдруг улыбка исчезла с его лица.

– Вон.

Глава поисковых отрядов и охотник пару секунд колеба-

лись, но все же сдались и чеканным шагом вышли из палаты, закрыв за собой дверь. Юра дернулся было за ними, но на его плечо легла тяжелая ладонь:

– А ты расскажешь мне все.

Марсель отпустил парня, поправив красную ленту на груди, сел на стул возле кровати девушки без сознания и кивнул на еще один, стоявший рядом. Юра неуверенно сел.

– Итак, ты... убил феникса, – генерал насмешливо глядел на парня, – не навредив телу. Я верно все понял?

– Это звучит дико. – Он выпрямился, стараясь придать убедительности тому бреду, который собирался нести. – Но... Э-э-э...

– Я верю тебе, – вдруг твердо сказал генерал с абсолютно серьезным лицом.

– Вы?..

– Да, – Марсель кивнул и, упершись локтями в колени, наклонился ближе к парню. – И теперь я хочу знать, как тебе это удалось.

– Я не уверен. – Он замялся, пытаясь подобрать слова.

– Рассказывай с самого начала, – мягко сказал Марсель.

Генерал глядел на Юру иначе. Сталь вдруг схлынула с его лица, исчезла из голоса, и он смотрел совсем по-отечески, а не хищником, готовым разорвать глотку.

– Как ты попал на охоту?

– Случайно, – сознался парень, поняв вдруг, что ему еще раз придется отвечать на этот вопрос, но уже Василию. И в

эту секунду разговор с главой охотников страшил его даже сильнее, чем генерал.

– А зачем полез к фениксу? – Генерал сощурился.

– Я его... то есть ее, э-э-э...

– Говори как есть, – сказал он неожиданно резко.

Голос генерала был настолько живым и ярким, что против воли Юра слушал не только слова, но и интонации, которые то обтекали его волнами равнодушия или презрения (что чаще), то будто одним ударом вколачивали ржавые гвозди в тело.

– Я ее услышал, – сдавленно ответил Юра.

– Где?

– На улице.

– Когда она была?..

– Внутри, на четвертом этаже.

– И слышал только ты?

Юра кивнул.

Несколько минут генерал внимательно вглядывался в юношу, хмуря брови.

– Что потом?

И Юра рассказал все настолько точно, насколько сам понимал. Про окровавленную комнату, плач девушки, сжавшейся в луже крови, про лица в отражении, которые он видел за своей спиной.

– Кого ты там видел? – резко прервал его генерал.

– Случайные лица, я не знаю их. – Он помнил о Мари-

не, выглянувшей из дыма на мгновение, но что-то сжало его горло, не позволив сказать об этом.

– Хорошо, – кивнул Марсель, – продолжай.

Юра несколько раз открывал рот, собираясь начать, но слова не шли, мысли путались. Сложно описать то, чего не понимаешь сам.

– Потом я провалился. Туда.

Марсель вопросительно выгнул бровь, ожидая разъяснений.

– Или нет, не провалился, я... – Парень вскочил со стула и начал расхаживать по комнате, загребая широкой ладонью спутавшиеся волосы. – Меня...

Он вдруг остановился возле распахнутого окна и, бесцельно глядя на парк вокруг, поймал собственное воспоминание, облачив его в слова:

– Кто-то затащил меня внутрь.

Юра ждал насмешек, но генерал молчал.

– Он схватил меня за шею и дернул вперед, – продолжил Юра. – Секунда – и я... там.

– Где? – мягко, аккуратно.

– Там, – Юра пожал плечами, – без понятия, как назвать. Та сторона? Отражение? – он нахмурился. – Нет, просто... «там».

– Пусть будет сторона, – кивнул Марсель. – Что там?

– На той стороне... Тихо. Жарко. Серо.

– Ты кого-то встретил? – он говорил терпеливо, не пыта-

ьясь при этом скрыть раздражение на лице и что-то, что человек, не знающий генерала Марселя, принял бы за тревогу.

– Тех, кто умер перед этим, – в мыслях добавил: «тех, кто вот-вот умер бы», – и феникса, – выдохнул Юра. – Я уверен, что это был феникс.

– Почему?

Тот лишь пожал плечами. Рассказать генералу все казалось ему правильным, но то, что он чувствовал «там» – это было его. Вообще *все* там было его – каждый вдох, каждый луч и каждая тень. Возле машин скорой помощи он думал, что его тянет от того места, от крови и смерти. Но сейчас он уже отчетливо понимал, знал каким-то образом, что выталкивает его эта сторона, реальность, его выталкивает вся материя, создающая место, которое можно было бы назвать «здесь». Потому что они с этой материей отличаются, состоят из разных атомов, отталкивающихся друг от друга, и он притягивается к той серой тишине.

– И потом я убил феникса, – Юра вздрогнул от мыслей, которые пчелиным роем жужжали в его голове.

Только сейчас он, нахмурившись, понял, что не давало ему покоя больше, чем все произошедшее в целом. Да, провалиться «туда» было страшно, странно, мозгом он ужасался, но нутром ощущал, что все правильно (откуда это чувство? Что за бред?). Но сейчас, в эту самую секунду, дух выбила совсем другая мысль.

Феникс был ему рад. Феникс его ждал. Феникс ему улы-

бался.

Разума не хватало на все сразу.

– Как ты вышел, кхм... – генерал увидел, что парень напрягся, – оттуда?

Спасибо, что без названий и кличек. Краев облегченно выдохнул и медленно моргнул, вдруг ощутив усталость.

– Кто-то меня вытолкнул.

– Тот же, кто втянул?

– Да.

– Кто это был? – Генерал нетерпеливо вскочил со стула и коршуном повис над парнем, вытягивая из его горла длинную цепь, на кончике которой был закреплен ответ, который он хотел услышать.

– Не знаю, – ответил Юра вслух.

«Я», – ответил он про себя.

Марсель же широко улыбнулся и почти зашипел от удовольствия, будто наконец вытянул ту цель и проглотил то, что искал. Он выглядел довольным хищником, который вдоволь наигрался с загнанной в угол жертвой и приготовился выгрызть ее сердце. Он хотел что-то сказать, но, удовлетворенно выдохнув, отошел от парня на два шага и, скрестив руки за спиной и выгнув широкую грудь, спокойно спросил:

– Когда в последний раз твою кровь проверяли, мальчик?

– Вчера. – Юра облокотился на подоконник и высунулся на улицу до середины туловища.

– Ты сотрудник Форта?

– Вроде того, – он усмехнулся.

– Да или нет? – требовательно переспросил Марсель.

– Да. – Парень опомнился и вылез из окна, повернувшись к генералу лицом.

– Я хочу, чтобы ты снова прошел все анализы, – ответил он задумчиво и нажал на кнопку висевшей на поясе рации.

Послышались помехи, которые через секунду расступились, и низкий голос быстро назвал свои звание и фамилию. Марсель, не поднося рацию к лицу, бросил короткое «Медиков с анализаторами» и отключил устройство. Вызванные медики примчались через несколько секунд, постучав в дверь сразу несколькими руками, суетливо топчась и ругаясь между собой.

– Тебе принесут кровать, – сказал Марсель, уже подойдя к двери.

Юра не успел ничего сказать, генерал мгновенно исчез за распахнутой дверью, в голодный зев которой хлынули сотрудники Форта, готовые анализировать Юру вдоль и поперек. Если понадобится – также по диагонали и зигзагом.

За ними зашли два охотника-прапорщика. Они, сверкнув двумя маленькими звездочками на погонах, встали у стен, прижав к груди ружья. Дверь захлопнули, но в последний момент внутрь проскользнула рука и послышалась приглушенная ругань. Через секунду вошел Глеб, потирая ушибленное запястье. Поравнявшись с прапорщиками, он вопросительно выгнул бровь:

– Что вы здесь делаете?

– Охраняем, – ответил один, шмыгнув сопливым носом.

– Лейтенанта Соколову?

– Нет, его.

Второй прапорщик, неудачно побрившийся утром худой парень, указал на Юру, вытянувшего перед собой обе руки и позволившего группке толстеньких медиков набирать в пробирки его кровь, брать соскобы из-под ногтей, срезать тонкий слой кожи, выдергивать волосы. Один из медиков поставил рядом стул и теперь, запрыгнув на него, вился вокруг Юриного лица, то заглядывая с фонариком ему в глаза, то в нос, то прося сказать «А».

– Охраняйте снаружи, – резко потребовал Глеб и швырнул в сторону окровавленный мундир, сверкнувший одной крупной звездой на погонах.

Прапорщики колебались всего мгновение, после чего вышли из комнаты значительно бодрее, чем вошли. Глеб, довольно хмыкнув, переставил свободный стул поближе к кровати и сел, взяв Марину за руку.

Девушка лежала неподвижно, только ее живот еле заметно поднимался при дыхании. Но Глеб заметил, как ее глаза движутся под закрытыми веками – ей что-то снилось. Майор, поджав губы, вглядывался в ее лицо.

Их отряд успел хватить опасностей, поохотившись в последний год перед тем, как фениксы перестали рождаться. Но уже слишком давно не случалось такого, чтобы он ничего

не мог сделать, чтобы ничего от них не зависело.

Сегодня он держал напарницу за руку, пока та шагала по самому краю пропасти, дна которой не разглядеть. Камешки под ее ногами срывались вниз и так и не находили конца своего падения. Она и сейчас там шагает, но хотя бы перестала заглядывать вниз, пытаясь разглядеть дно бездны.

Глеб сильнее сжал ее руку и поцеловал кончики пальцев. Она выкарабкается, справится. Но будь она сейчас в сознании – ей не понравилось бы то, что держало мысли охотника.

Его мозг царапала ненависть в своем первобытном проявлении. Феникс чуть не отнял у него напарницу, а его, феникса, спасти? Везти в больницу? Трижды в секунду он напоминал себе, что девушка, которую вытащил новенький, – не феникс. Об этом говорило все. Марина перестала... Он пытался подобрать слова – ни одно не подходило. Умирать. Она перестала умирать.

Все анализаторы твердили зелеными лампочками одно и то же – девушка из офиса была человеком. Ему остается верить тому, что рассказал новенький, – все это время Глеб под ярким неодобрительным взглядом Василия сливался ухом с дверью и ловил каждое слово, произнесенное в комнате. Феникс убит, феникса нет. Он твердил это себе так часто, что в мыслях слова слились в сплошное непроглядное марево. Но феникс был. И он чуть не отобрал жизнь Марины.

Глеб вздрогнул, когда в комнате вдруг стало тихо. Медики, собрав с парня все, что можно получить, не вредя его

здоровью, оставили Юру в покое и почти бегом покинули палату, спеша в лаборатории. Юра дул на сгиб локтя, где зияла узкая, но глубокая рана – медикам кроме крови, кожи и волос также понадобился образец тканей. Вместо обезболивающего ему вручили кусочек ваты и пожелание скорейшего восстановления.

– Она скоро очнется. – Юра хотел приободрить охотника, но тот взглянул на него оскаленным волком. Через секунду Глеб опомнился и прогнал злость с лица, но та лишь скользнула обратно в мысли.

– Лучше бы так. То, что ты сказал генералу, – это правда? – Глеб говорил, подняв ко лбу сжатую обеими руками ладонь Марины.

– Да.

– Там, – Глеб запнулся, – у феникса, ты видел там ее?

– Она не была с остальными, была другая, все понимала, – затараторил Юра.

Какое-то время Глеб сосредоточенно молчал.

– Ты, похоже, понимаешь, что-куда-как-зачем? – Охотник потрянул головой, и его взгляд снова сфокусировался, ударившись о бледные стены.

– Мне бы хотелось, – честно ответил Юра.

Ему действительно хотелось прямо ответить на все вопросы, нахлынувшие сейчас лавиной, перекрыв доступ кислорода. Но он и сам дышал лишь благодаря рефлексам, потому что ничего другого у него не осталось.

Он ничего не знал и не понимал, кроме одной-единственной вещи. Он чувствовал это болью в мышцах, ощущал кончиками пальцев, ресницами и различал в аромате холодеющего вечернего воздуха – ему было плохо «здесь» и надо было вернуться «туда». И, похоже, этому удивлялся только он один.

Феникс же – убитый им феникс, откуда это чувство вины? Он убийца? – ждал его и обрадовался, потому что знал, что Юра должен был оказаться в плавящемся темном городе. Откуда это? Вина, стыд, боль. Феникс обнял – нет, обняла его, не ожидала нападения, была рада. Соскучилась?

Она его знала.

– Мы во всем разберемся. – Глеб ободряюще улыбнулся.

Злость схлынула, и он смог вдохнуть полной грудью, отпустив ее на какое-то время. Он знал, что та вернется и ударит по нему с новой силой, но пока можно передохнуть.

Юра подошел к кровати и уперся ладонями в ее спинку.

– Паршивый день, – заключил он, хмыкнув.

– Слушай, – охотник поднял брови, – а ты, кстати, кто?

В палате повисла тишина, метавшаяся от Глеба к Юре и обратно, пока они удивленно пялились друг на друга.

– Seriously, я без понятия, кто ты. – Глеб закрыл лицо ладонью, притворно сокрушаясь. – Как твоя фамилия?

– Э... Краев, – тот почему-то замялся.

– И из какого ты отдела?

– Ну, – Юра сморщился, – я вроде как уборщик.

Минута без звуков и движения.

– Кто? – Глеб наклонился в сторону парня.

– Уборщик. – Юра тоже приблизился к майору.

Еще шестьдесят секунд искреннего непонимания на лице

Глеба.

– Кто? – процедил он сквозь зубы.

– Уборщик, – невозмутимо повторил парень.

– Пыль, пол?..

– Швабра, пылесос.

– Замечательно, – протянул Глеб, резко откидываясь на стуле и скрестив руки на груди. – Первый охотничий отряд спас уборщик. Ну, а почему бы и нет, и то правда, – он говорил громко, поднося ладонь к лицу, будто разговаривал сам с собой в момент легкого (или не очень) безумия. – Я вот майор, она вот лейтенант, а ты вот...

– Уборщик.

– У-у-уборщик, – повторил охотник нараспев. – Прекрасно, восхитительно, славно-славно.

– Давай я погуляю, пока ты не закончишь?

– А я уже. Почти. Сейчас, еще немножко. Уборщик против старшего офицерского состава, прелесть же, ну!

– Закончил?

– Почти-почти. – Глеб несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, досчитав вслух от десяти до одного. – Вот теперь все, я практически смирился с этим фактом.

Охотник нервно рассмеялся, пробубнив еще что-то себе

под нос.

– Пардон. – Он кашлянул, прочищая горло, и попытался принять серьезный вид. – Просто это очень, я подчеркиваю – очень! – непривычно, понимаешь?

– Подозреваю.

– Обычно все наоборот. – Глеб снова повернулся лицом к Марине. – Как-то чаще мы спасаем, а не нас. Но, – взглянул на Юру, – спасибо.

– Не за что. – Он расслабленно опустил руки. – Я рад, что с ними все хорошо.

Глеб кивнул, но после вдруг помрачнел:

– Ними?

– Мариной и той девочкой.

Майор молча отвернулся и от Юры, и от Марины, уставившись в стену перед собой.

– Она не феникс. – Юра вступился за спасенную девушку, уловив мысли охотника.

Глеб резко перебил его. Он уже слышал все, что парень мог бы сказать, и услышанное не сходилась с его желаниями:

– А феникс мертв, я в курсе.

– Но ты этому не веришь?

– Верю. – Глеб устало потер виски. – Факты налицо. Только вот, – несколько секунд раздумий, – ты-то кто?

– Убо...

– Завались. Ты знаешь, что я имею в виду.

Охотник медленно повернулся к Юре, который не ше-

вельнулся. Каким-то образом только эта мысль не сумела достичь его разума. Он успел спросить себя обо всем, задал все вопросы, кроме такого простого.

– Не знаю, – честно ответил он.

– Ты, кхм, ну, не обычный человек явно, – Глеб загнул большой палец руки. – И не феникс, – зажал указательный. – А кто тогда остается?

Юра пожал плечами, в ужасе проводя сквозь мозг те же мысли вслед за охотником.

– Неведома зверушка, – заключил Глеб. – Так тебя и запишем.

– Что за бред? – Воздух в комнате прижался к полу под весом раздавшегося голоса.

Василий медленно прошел вглубь комнаты, держа в одной руке небольшую вытянутую картонную коробку темно-зеленого цвета.

– Приходила в себя? – коротко спросил он Глеба, тот отрицательно покачал головой. – Никуда не уходи. При любых изменениях ее состояния сообщай мне. Ясно? – Глеб кивнул.

Глава охотничьего отряда на несколько секунд задержал взгляд на девушке, после чего обернулся к Юре, который старался слиться с противоположной стеной.

– Устал мыть унитазы Форта?

Слова были насквозь пропитаны презрением, заполнившим все пространство вокруг, хотя сам Василий говорил совершенно спокойно. Глеб удивленно уставился на начальни-

ка, Юра, ожидавший совсем другого нападения, растерянно тарасился на полковника.

– А, то есть ты знал, что он убо... То есть нет, ничего. – Глеб сжал губы и замолк.

– Ну, вообще-то унитазами занимается Гюнюль, – ответил Юра с выражением лица «какой вопрос – такой ответ». – Это невысокая, вот такая примерно в талии, – он широко расставил руки в стороны, – уроженка Кыргызстана.

– Ты все шутишь, – Василий холодно ослабил.

– Гюнюль бы поспорила.

Краем глаза Юра видел, как Глеб за спиной начальника размахивал руками, призывая того прекратить перебранку, но никак не среагировал. Он спокойно выдержал внимательный взгляд синих глаз, в которых плескалось столько презрения вперемешку с отвращением, что казалось, радужка вот-вот закипит.

– Уже видел. – Юра случайно сказал это вслух, поздно спохватившись.

– Что видел? – Василий надменно смотрел на него сверху вниз, будучи выше на полголовы.

– Кого, – поправил его парень. – Тебя.

Он улыбнулся и подошел на шаг ближе, направив на полковника указательный палец:

– Четыре года назад. – Он сухо рассмеялся. – Ты же охотился в моем университете, помнишь?

Презрение в глазах уступило место чернеющей ненависти.

Он сделал два шага в направлении парня и, оказавшись практически вплотную к нему, процедил сквозь зубы:

– А ты как думаешь?

Его голос звучал так же, как в день их первой встречи, – сотканный из желания уничтожить и сожаления от невозможности этого сделать. О, конечно, он помнил его. Юра пожалел, что заговорил об этом.

Он вдруг понял, почему ему не удалось занять иную должность в огромном Форте. Главы всех пяти с лишним сотен отделов качали головами, стараясь не смотреть на него, и общались, что им он не подходит. Хотя он годился для того, чтобы занять даже их собственные места.

То, чего раньше он не замечал из-за злости и досады, было обыкновенным страхом. Ему неуверенно предлагали войти в штат сотрудников, чтобы позже, при появлении вакансий (которых было предостаточно), он обладал преимуществом против соискателей со стороны. Итог – три месяца имитации бурной деятельности в роли уборщика, которая удавалась ему так себе. Он продолжал каждую неделю стучаться все в новые двери, но раз за разом видел все ту же картину. Теперь ясно почему.

– Думаю, что да.

– Какой умничка, – презрительно процедил Вася.

Он развернулся, вновь надев маску абсолютного спокойствия.

– Ты восемь раз подавал заявку в охотничий отдел. – Васи-

лий бродил по комнате, словно акула, медленно сужая круги вокруг добычи. – Почему так быстро сдался? – усмехнулся.

– Потому что это скучно, – равнодушно бросил Юра, поймав на себе изумленный взгляд Глеба. – Фениксов столько лет не было.

Глеб фыркнул, а Василий насмешливо взглянул на него:

– Все еще так думаешь?

Юра переводил взгляд с полковника на майора и обратно. Один глядел на него с откровенным сарказмом, как бы говоря «да неужели?», второй будто смотрел на маленького несмышленного ребенка.

– Фениксы не пропадали? – догадался он.

– На глазах умнееешь. Добро пожаловать. – Он с силой швырнул коробку в парня, тот легко ее поймал. – Завтра в пять.

Глеб кивнул, а глава охотничьего отряда ровным быстрым шагом вышел из комнаты. Они услышали, как прапорщики, стоявшие у входа в палату, еще раз поприветствовали полковника, после чего дверь тихо закрылась, чуть скрипнув старыми петлями.

Юра нетерпеливо открыл коробку, дыхнувшую на него крахмальной пылью. Внутри находилось несколько свертков темно-зеленой ткани. Он подцепил один из слоев и потянул на себя, вытащив новехонький мундир, увенчанный парой красных погон.

– О, рядовой! – Глеб радостно вскочил. – Добро пожало-

вать, новенький! Неплохое повышение, а?

– Отличное, – согласился Юра.

Он уронил коробку и развернул мундир двумя руками. Пошит только что – на швах виднелись едва заметные частички ниток, которые сметутся через пару минут после того, как он впервые его наденет. Не сегодня, нет, красные погоны – парадные. Но когда-нибудь. Пока ни единой желтой линии, ни единой звездочки, пустые красные – для особых случаев, пустые зеленые – для службы. Это визуальное воплощение начала, открытой двери и первого шага. Слева на груди на мундире золотыми нитками вышита эмблема охотничьих отрядов – падающий феникс.

Юра восемь раз проходил тренировки и испытания, необходимые для вступления в ряды охотников, но на последнем этапе – демонстрационной полосе препятствий, на которой присутствует в том числе высший офицерский состав, он всегда оставался за чертой. Можно ли называть охотников победителями – вопрос спорный, но из раза в раз Юра оказывался проигравшим. Сейчас он уже понял, кто именно препятствовал его зачислению в охотничий сегмент, но теперь это и не волновало – так или иначе, он наконец держал в руках заветный мундир.

– Значит, завтра утром увидимся на совещании, – улыбнулся Глеб.

– В пять утра? – на всякий случай переспросил Юра.

Майор печально кивнул. Из коробки, валяющейся на по-

лу, послышалось приглушенное шипение. Юра поднял ее и на самом дне, за еще двумя полными комплектами формы, нашел небольшую черную рацию, которая замолкала на несколько секунд, а потом снова заливалась шумом помех. Юра нажал сразу на несколько кнопок, и устройство заговорило голосом Василия.

– Добро пожаловать в первый охотничий отряд, – холодно поприветствовал его полковник. – Министерство поиска сообщило, что завтра после полудня на территории больницы родится феникс. Твоя задача, рядовой, к утреннему совещанию вычислить его.

– Как я это сделаю?!

– Задача ясна?

– Я не знаю, как...

– Задача ясна?

– Да, товарищ полковник, ясна.

Рация прыснула снопом помех и щелчков, после чего затихла.

– Недолго я пробыл охотником. – Юра присел на край кровати, запихивая мундир обратно в коробку.

– Так, без паники и нытья, – сказал Глеб с плохо удавшимся ободрением.

– Есть идеи?

– На самом деле да, одна есть. Нам точно нужен кофе.

– Э-э-э... Ну так-то да, согласен.

Глеб проворно выскочил из палаты, коротко обругав пра-

поршиков, которые, похоже, недостаточно ровно подпирали стену. Юра улыбнулся, услышав фрагменты оправданий солдат и ворчание Глеба, но вскоре и его отдаляющиеся шаги смолкли. В комнате остался только он и жужжание приборов, заглушавшее тихое дыхание Марины.

Каким-то глупым ему казалось то, с какой легкостью все укладывалось в голове. Он примерно понимал, что именно надо сделать, чтобы найти феникса, – нужно попасть «туда». И эта мысль до абсурда не волновала его, казалась правильной и естественной. Так же, как рефлекторно человек протирает запотевшее стекло, чтобы увидеть, что происходит за ним. Он негромко засмеялся, поймав себя на мысли, что единственная его проблема – это найти путь «туда». Какая нелепица, бред пациента психбольницы. Может, и ему туда пора? Рядом с домом вроде есть одна... Нет, стоп.

Воздух, нужен воздух, здесь нечем дышать. Он подошел к открытому окну и высунулся, полной грудью вдыхая вечернюю прохладу. Немного придя в себя, расслабился и осмотрелся вокруг.

Парк, окружавший больницу, был полон людей – пациенты и посетители гуляли в тени вязов. Кто-то медленно толкал перед собой кресло-каталку, кто-то сидел на скамейках среди широких, хаотично раскиданных по территории клумб.

Крохотная девочка в ярко-синем платье прыгала под дикой яблоней, пытаясь дотянуться до незрелого еще, но уже начавшего наливаться красным цветом яблока. Наконец ей

удалось ухватиться за листву, и она, повиснув на ветке всем телом, все же оторвала заветный плод. Вытерла о юбку, откусила, поморщилась, звонко рассмеялась и снова откусила.

Все вокруг было охвачено плавным, неторопливым движением. Юра переводил взгляд с одной семьи на другую: всюду бегали дети, на которых радостно глядели старики и шикали матери.

Что-то не так.

Краев кожей ощутил, как что-то переменялось в атмосфере, добавив в воздух тревогу, которую он тут же вдохнул. Быстро осмотрел комнату – нет, тут ничего не изменилось. Он снова перекинулся через подоконник и сощурился, внимательно вглядываясь в людей. Юра шарил глазами от одного лица к другому, пока не нашел его.

Высокий широкоплечий мужчина в черном плаще, полы которого были покрыты слоем летней пыли. Серые, как будто мышинные, волосы, бледная кожа, которая казалась прозрачной, и внимательный взгляд темных глаз, направленный на Юру. Парень отшатнулся, как обожженный. Через пару секунд он медленно подошел к окну и снова посмотрел вниз. Мужчина стоял там же, глядя на Юру и улыбаясь.

– Я привел к нам классного парня, знакомься. Зовут – кофеин.

В комнату вошел Глеб, держа в руках два белых пластиковых стаканчика, от которых поднимался молочный пар. Юра молча махнул ему рукой, подзывая к окну.

– Ты знаешь этого мужика? В наше окно пялится, не отворачивается.

Глеб оставил кофе на тумбочке и, осторожно выглянув, внимательно осмотрелся.

– Где?

– Слева, возле синих цветов.

– Ирисов?

– Тебе не плевать?

– Ну, во-первых, они фиолетовые, – Глеб сделал кислую мину. – А, во-вторых, там никого.

– Да как так, – возмутился парень. – Вон же!

– Стоп. – Охотник округлил глаза, медленно отстраняясь от окна ровно настолько, чтобы его не было видно снаружи. – Это не по твоей части, случаем?

– Моей части?

– Ну, штучки, которые только ты слышишь, или, – он изобразил пальцами волны, – видишь.

Юра этого не ожидал. Он не был готов опять столкнуться с чем-то подобным так быстро. Снова выглянул – мужчина стоял там же, не сдвинувшись ни на миллиметр, лишь улыбаться стал шире.

– Это что-то другое, – сказал он, нахмурившись. – Я спущусь.

– Что? Нет, стой, – Глеб преградил ему дорогу. – А план? А обсудить, взвесить за и против?

– Я просто поговорю с ним.

– С кем? Ты знаешь, кто или что это?

– Узнаю. – Юра пожал плечами.

– Блин, – закатил глаза Глеб. – Отставить, рядовой!

Юра замер скорее от неожиданности, чем из-за самого приказа. Теперь придется считаться со званиями, и до майора ему как до луны спиной вперед.

– Так, рядовой. – Глеб удивился, что его команда сработала. – Э-э-э... Это феникс там?

– Нет.

В этом он был уверен совершенно, внизу стоял кто-то иной. Он не чувствовал угрозы от этого мужчины, лишь нарастающую тревогу. Только никак не мог понять, чья тревога это была – его собственная или того мужчины? – и за кого кто-то из них тревожится.

– А кто тогда? Раз ты видишь, а я нет, – как раньше ты слышал, а я – нет, выходит, что феникс.

– Вот и выясню.

Юра легко обошел майора, но тот в два шага снова очутился перед ним, преграждая путь.

– Я не могу тебе этого позволить ни как старший по званию, ни как охотник, ни как красопетка.

– Пока ты... Чего, красопетка? – Юра мотнул головой. – Не отвечай. Короче, я бы уже спустился.

Оба (теперь уже) охотника смотрели друг на друга, ни один не желал отступить. Глеб хребтом чувствовал опасность. Краев не пытался скрыть раздражение из-за зря поте-

рянного времени.

– Славно, тогда я составлю тебе компанию.

– Нет, Глеб. Чем ты поможешь?

– Оружием.

– В кого будешь стрелять? В розочки?

– Там ирисы.

– Да хоть черт голозадый, – закатил глаза Юра. – А с Мариной кто будет? Те бараны? – Он махнул рукой в сторону двери, за которой прапорщики увлеченно на все крыло рассказывали пошлые анекдоты.

– Хотя бы рацию возьми. – Глеб отступил на шаг вбок и протянул ему свою.

Юра взял аппарат и выбежал из комнаты. Он быстро миновал три лестничных пролета и выскочил на улицу. Минута ушла на то, чтобы сориентироваться: парадная дверь выходила на север, окна палаты Марины – на запад. Парень ринулся в нужном направлении, ловко петляя в потоке собравшихся обратно внутрь больных – часы посещения закончились, и те стекались к входу в больницу со всего парка.

За считанные секунды он добрался до нужного места, быстро найдя чуть заросшую сорняками клумбу с синими цветами. Только рядом никого не было. Он добежал ровно до того места, где стоял высокий мужчина в черном, и оглянулся.

В нос бил запах гнили, но не сильный. Будто что-то, являющееся источником вони, находилось тут всего мгновение назад. Юра крутился вокруг клумбы, внимательно осматри-

вая все вокруг, пока, наконец, не напоролся на пару водянисто-белесых глаз.

Мужчина стоял в пятидесяти-шестидесяти метрах от него, за старым кирпичным забором, увенчанным острыми резными шпильями. Забор был выкрашен в бледно-персиковый цвет, почти скрывший кирпичную кладку. Мужчина чрезмерно высок – его голова выглядывала над забором, который с виду в высоту был два с половиной метра. Охотник нахмурился – человек (или кто там) не казался ему настолько высоким из окна. Не коротышкой, да, но точно не настолько.

Мужчина медленно улыбнулся, обнажив ряд тонких острых зубов, похожих на швейные иглы. Он смотрел на рядового не моргая – в какой-то момент парень вздрогнул, поняв, что у мужчины не было век. Круглые желтоватые глазные яблоки блестели, становясь похожими на стеклянные. Можно было бы так подумать, если бы взгляд не был настолько осмысленным и внимательным. Раздался треск рации:

– Что ты там застрял? – голос Глеба смешивался с помехами.

– Он ушел, но я его вижу, – Юра поднес рацию к губам и старался говорить как можно тише.

– Тогда возвращайся обратно, рядовой!

– Я пошел за ним, товарищ майор. – Парень ухмыльнулся, услышав поток ругани, затихавший в треске помех.

Глеб еще всыплет ему по первое число и будет прав, но

сейчас это волновало меньше всего. Мужчина резко перестал улыбаться, когда Юра ответил на сообщение по рации. Он спрятал иглоподобные зубы за узкими синеватыми губами, червями тянувшимися через бледное лицо. Юра медленно, не отрывая глаз от мужчины, опустил рацию в клумбу и поднял вверх руки, развернув ладонями к нему. Мужчина несколько секунд не менялся в лице, но потом снова растянул губы в широкой – на все лицо – улыбке, полной желто-коричневых игл.

Юра шагнул вперед, заметив, как мужчина едва заметно отшатнулся – от неожиданности или страха. Но как только тот опять замер, глядя на него лишенными век глазами, парень продолжил приближение. Он двигался осторожно, нащупывая путь перед собой, как-то зная, что отворачиваться нельзя. Он старался даже не моргать, но это не удавалось. Каждый раз, стоило моргнуть, мужчина успевал отскочить на несколько шагов назад. Вскоре это стало бесполезным – Юра подошел к забору, слишком высокому. Он вытянул руку вверх и едва ухватился кончиками пальцев за край кирпичной кладки.

– Слышишь?

Влажный, хлюпающий голос раздался приглушенно с другой стороны стены, но будто прямо на уровне Юриного уха, как если бы говоривший точно знал, где он стоит. Парень рефлекторно кивнул, не успев ни о чем подумать. В нос бил смрад.

– Здравствуй.

Голос был странным, он заставлял морщиться. Казалось, говоривший захлебывался.

– Привет, – хрипло отозвался Юра, не придумав ничего лучше. В конце концов, он же пришел поговорить.

– Ответил! – взвизгнул голос. – Он ответил мне, ответил!
Воздух задрожал от скрежета ногтя о камень. Мужчина, стоя по другую сторону забора, медленно вел пальцами по кирпичам, замороженно глядя, как те сыплются мелкой крошкой под ноги. Он чуть приплясывал и улыбался так сильно, что в уголках синих губ выглянули темные капли крови.

– Кто ты?

Юрин голос звучал безразлично. А мужчина ждал испуга – да, страх расстроил бы его, но...

– Не помнишь? – он говорил быстро, чтобы успеть, пока густая кровь снова не заполнила его горло.

Мужчина увидел, как Юра отрицательно покачал головой. Хорошо иметь такие глаза.

– Вспомнишь, – он прижался к забору. – Тебя ждут.

– Что? – парень непонимающе уставился на забор, почти глядя в глаза собеседнику. – Кто ждет? Где?

Мужчина сглотнул кровь, чтобы ответить, но ее собралось в горле слишком много. Черная вязкая жидкость сочилась между его тонкими зубами и стекала по подбородку.

– Отвечай! – крикнул охотник.

Мужчина отчаянно глядел на Юру, растирая тыльной стороной ладони по лицу струящуюся смолистую кровь. Парень сомневался, не ушел ли этот странный человек, хотя кожей чувствовал, что нет. Но как ему, мужчине в черном плаще, сказать, как дать охотнику понять, что он все еще здесь? Он слишком долго искал этого юношу, так долго, что успел забыть, зачем вообще пришел. А потом вдруг они встретились. Прямо тут, совсем рядом.

Мужчина наклонился, извергнув из себя несколько литров густой жижи. Коротко отдышался, прокашлялся и опять прижался к забору.

– Возвращайся, – он почти выплюнул эти слова, снова подавившись уже наполнившей горло кровью.

Он хотел бы еще поговорить – это было так здорово, слышать, как тебе отвечают, вести разговор, – но времени не оставалось.

Юра быстро пробежал вдоль забора и наконец нашел высокий пенек совсем рядом со стеной. Оттолкнувшись от него, он в два прыжка очутился по ту сторону, лишь чуть порвав рукав об острые шпильки забора. Но все зря – он увидел только стремительно удаляющуюся спину, скрытую длинным темным плащом.

Парень побежал следом, но тот двигался слишком быстро – через пару минут мужчина пропал из виду. Краев стоял, упершись руками в колени и переводя дыхание.

Пожалуй, это был один из самых странных разговоров в

его жизни. Не самый странный, но точно в первой десятке. Он опасался этого мужчины – вряд ли могло быть иначе, но это было лишь в голове, в разуме. Навязанный окружающей действительностью, той же, которая говорит, что красиво, а что – нет. Какая музыка приятна, какая – нет, какая картина – шедевр, а какая – повод отвести ребенка к психиатру.

Действительность говорила, что мужчина был устрашающ, но сам Юра нутром своим, если отключить разум, страха не ощущал. Он думал, что должен бы, но нет, этого не случилось. Что он ощущал – так это интерес и близость ответа. Как когда пытаешься вспомнить слово, а оно вот – совсем близко, крутится на языке, ты почти его вспомнил, надо еще чуть-чуть. И пока не вспомнишь, о другом думать не сможешь.

Но сейчас вспомнить не удалось. Он еще раз оглянулся вокруг и обежал несколько соседних улиц, надеясь, что снова заметит пару чернильных глаз без век, уставившихся на него. Но, не добившись успеха, покрытый уличной пылью, зашагал в сторону больницы, готовый получить разнос от новоприобретенного начальства.

По пути к больнице он сделал крюк, чтобы забрать истощенно орущую рацию из кустов. Взглянул на трясущийся от сигнала (и злости Глеба) прибор, вскрыл заднюю панель, снеся в процессе пару крупных болтов, и вытряхнул блок питания.

Рация замолкла, парень облегченно выдохнул. После ужина, который, похоже, уже завершился, в больнице воцарялась

тишина – и внутри, и снаружи. Трудно было поверить, что всего час назад этот парк был заполнен струящимся между вязов и яблонь движением, детским смехом и тихими разговорами.

Сейчас здесь были лишь вечерняя прохлада да мягкая тишь. Вдали слышался плеск воды – там стоял маленький фонтан. Юра присел на край клумбы и оглянулся – казалось, деревья тоже замерли, ни один листочек не шевелился. Где-то слышалось стрекотание сверчков, но достаточно далеко, чтобы не быть частью этого места.

– Я подвешу тебя на флагштоке!

Глеб чуть не выпал из окна, но кричать не перестал. Он побледнел от гнева, на лбу вздулась вена.

– Молодой человек, не шумите! – послышалось откуда-то выше.

– На часы смотрел, пацан? – сбоку.

– Юноша, – звонкий старушечий голос, – подвешивайте хоть меня, хоть голышом, но утром!

Со всех сторон на майора сыпались обвинения (и предложения сомнительного характера). Глеб решил не гневить пациентов и молча бросил на подчиненного грозный многозначительный взгляд. Юра кивнул сквозь смех и двинулся в сторону парадного входа.

Через несколько минут гневные выкрики переросли в душевные беседы между этажами, и когда Юра свернул с лестницы на третий этаж, он застал медсестер, сердито упраши-

вавших пациентов отложить общение через открытые окна на завтра, а лучше вообще знакомиться на прогулках, а не кричать на весь город. Женщины в застиранных белых халатах ворчали, что это больница, а не пионерский лагерь, то и дело заглядывая в палаты и шикая на развеселившихся стариков.

Спустя какое-то время на больницу вновь опустилась привычная тишина. Ее нарушал лишь редкий храп и негромко включенный крошечный телевизор у дежурной медсестры. Девушка зевала, вникая в события, которые разворачивались в простом, но не лишенном очарования детективном сериале о доблестных милиционерах, снятом как раз для таких ночей.

– Не положено, – отрезал один из прапорщиков, когда Юра подошел к нужной ему двери.

– Как это не положено? – удивился тот.

– Приказ.

Юра закатил глаза и потянулся к двери, чтобы хотя бы постучать, но второй прапорщик схватил его за руку и оттолкнул.

– Вы ошалели совсем?!

– Нам приказано никого не впускать, – снова протараторил первый, проглатывая окончания слов.

– Меня ждут, – Юра посмотрел на них исподлобья с кислой миной на лице.

Хуже глупых людей – только глупые люди, получившие

приказ.

– Не положено.

– Позовите Глеба!

– Не положено.

– Майор Майоров не вносил изменений в приказ, – добавил второй.

– Погодите, что? – Юра хохотнул. – Майоров? Майор Майоров? Ха! Вот уж точно поэт-хреноплет.

Прапорщики непонимающе покосились на него и никак не среагировали.

– Кхм, а врачей вы тоже не пускаете?

– Пускаем, – ответили они в один голос, переглянувшись.

– Я врач.

– Нет, – улыбнулись.

– Откуда вам знать?

– Ты без халата, – сказал первый тем тоном, которым дуракам объясняют прописные истины.

– И без этого, как его... – второй начал щелкать пальцами, силясь вспомнить слово.

– Стетоскопа? – подсказал Юра.

– Да, точно! – радостно согласился второй.

– Я в форме медицинской. – Краев подергал себя за край больничной рубашки.

Прапорщики задумались на четверть минуты, но потом, не сговариваясь, отрицательно помотали головами.

– Не положено, – сказал первый.

– Не было приказа, – сказал второй.

Юра в изумлении провел рукой по голове, загребая спутанные пряди. Хмыкнув, он выудил из кармана детали рации и, быстро собрав ее воедино, нажал на кнопку вызова. Та пощелкала, пошипела и разразилась голосом Глеба:

– Ты по стене лезешь?! Почему так долго?!

– Меня не пускают товарищи, – он взглянул на их погоны, – прапорщики. Прием.

Ответа не было. На несколько секунд куполом опустилась тишина, но вскоре разбилась от топота, раздавшегося изнутри палаты. Глеб резко распахнул дверь, повиснув на косяке.

– Как это понимать?! – Он гневно переводил взгляд с первого прапорщика на второго, в то время как оба от неожиданности отшатнулись.

– Глеб Вячеславович, – ответил первый, – вы сами приказали никого не пускать.

– Никого?!

– Ну да, никого, – подтвердил второй.

– Ну, – майор пару мгновений думал, наморщив лоб, – да, так я и сказал. Хорошо работаете, ребята. – Он ободряюще им улыбнулся. – Ты, – посмотрел на Юру, – внутрь!

– Как скажете, гражданин Майоров. – Юра, смеясь в прижатый к губам кулак, наконец переступил порог палаты.

– Хрена ли ты ржешь?

– Слушай, как тебе повышение давать теперь? Вся симметрия порушится!

Майор молча упер руки в бока и кисло глядел на рядового, ясно давая понять, что ничего из сказанного тем не отличалось свежестью.

– А малыш-то наш юморист, – раздался слабый голос.

Марина лежала на нескольких подушках, уложенных под спину, и улыбалась, глядя на Юру. Она была мертвенно-бледна, но уже сняла кислородную маску и дышала самостоятельно – ровно и тихо.

– Продадим в цирк, – ворчал Глеб.

– Придется циркачам доплачивать, – усмехнулась девушка. – Мы с тобой не настолько богаты.

– Новенький, а как у тебя с почками? Не жалуешься?

– Я не дам продать нашего малыша на органы, – возмутилась Марина.

– Вы меня усыновить решили? – Юра выжидающе уставился на охотников.

Глеб с кислой миной бросил:

– Чур меня, а тебя нафиг.

– Как ты себя чувствуешь? – Юра подошел к кровати Марины.

– Как по утрам, только вечером. То есть паршиво. – Она улыбнулась.

– Ты скоро поправишься.

– Да, спасибо. – Девушка чуть поерзала на подушках. – Глеб мне все рассказал.

– Вы слушаете радиостанцию «Майоров-эф-эм», – сказал

парень гнусавым голосом, глядя на майора, севшего на стоящий рядом стул.

– Не дразнись, – с улыбкой возмутилась Марина.

– Ладно, не буду, мамуля, – ответил он тем же тоном. – Она всегда такая сахарная? – спросил он полупшепотом, наклонившись к Глебу.

– Мне кажется, это все лекарства, – ответил тот, состроив шокированную гримасу.

– Как же это здорово, – вздохнула девушка. – Мы столько жизнью теперь спасем.

– А? – протянули оба охотника в один голос.

– Ты же спас ту девушку. – Марина удивленно подняла брови и посмотрела на охотников, как на сглупивших детей. – Мы теперь всех сможем избавить от фениксов, понимаете?

– Кажется, да, – кивнул Юра через несколько секунд раздумий.

Выходит, он действительно должен будет так же убить всех фениксов. В голове мелькнуло слово «бойня», но он тут же отсек эту мысль. Все прекрасно знали, что произошло бы без него. Глеб расстрелял бы ту девушку в упор, не усомнившись в своем решении ни на секунду и не испытав даже крохотной частички жалости, потому что к тому времени Марина уже была бы мертва. Юра спас две жизни, убив феникса. Во всяком случае, он надеялся, что истолковал все правильно.

– Расскажи, как было на той стороне? – попросила Марина.

– Жарко. – Краев задумался. – Тихо.

Он уже говорил это, но других слов в голову не пришло. Он мог бы долго рассказывать, как его «туда» тянет и как хорошо было ему плавать в этой жаровне среди отходящих от асфальта волн раскаленного воздуха. Но мог сказать только несколько сухих слов да пожать плечами.

– А феникс? Какой он был? Страшный?

Глаза Марины горели неподдельным интересом, она была полностью захвачена этим новым витком давно сошедшей с ума реальности.

– Это была девушка. Совсем не страшная. – Юра сжал губы, вспоминая тоненькие ручки, схватившие его в объятия. – Скорее наоборот.

– Милая, что ли? – удивленно переспросил Глеб.

– Не знаю. – Юра ссутулился, уставившись в пол.

– Эй, друг, эта обаятельная крошка убила пятерых, не забывай.

– Я помню, – кивнул тот. – Но...

– Что «но»? Расскажи нам. – Марина с трудом села в кровати и положила руку на плечо рядового.

– Я даже не знаю, ма-а-ам, – улыбнулся Юра, все еще глядя на пол.

Марина отвесила ему подзатыльник, едва ощутимый из-за ее слабости. Краев внимательно посмотрел на обоих охотни-

ков, пытаясь принять решение. Ему надо было кому-то рассказать. Все произошедшее гноем копилось в его воспаленном мозге, и требовалось либо вскрыть рану и очистить ее, либо умереть.

– Она обрадовалась мне, – наконец едва слышно сказал он.

– Ну, такие куры обычно всем рады. – Глеб криво улыбнулся, пытаясь скрыть удивление.

– Хватит паясничать, – одернула его Марина. – Как так?

– Эта девушка, феникс, она, – Юра выпрямился и глубоко вдохнул, – была очень рада, когда меня увидела. Не пыталась мне навредить. И была шокирована, правда шокирована, когда я напал.

Он выпалил все это на одном дыхании, почувствовав вдруг сильное облегчение. Охотники смотрели на него не отрываясь, изумленные услышанным.

– Глеб. – Девушка обернулась к майору, не отпуская плечо рядового. – Я ужасно хочу пить, можешь?..

– Чего изволите, моя миледи? – Он, кряхтя, встал со стула.

– Воды.

Охотник кивнул и быстро выскочил из палаты.

– Малыш, – шепнула она, как только дверь за Глебом закрылась. – Я расскажу кое-что тебе, а ты послушай, хорошо?

– Ладно.

Девушка несколько раз шумно вдохнула и выдохнула, собираясь с духом, после чего чуть дрожащим полусшепотом

сказала:

– Мне приснилось что-то, и я хочу, чтобы ты это услышал. – Он кивнул. – Парк напротив того здания. – Она закрыла глаза и хмурила брови, вспоминая. – Но без людей. Совсем без людей. Ты слушаешь? Хорошо. Так вот, со мной говорила девушка, ну... Блондинка. Длинные светлые, даже белые волосы, ровная челка. Ты видел кого-то похожего?.. – Юра напряженно кивнул, а она вздрогнула. – А потом прибежал ты и, я плохо помню...

– Не волнуйся. – Парень приобнял ее за плечи.

– И ты убил эту девушку. – Она подняла на него лихорадочно блестящие глаза. – Сначала заколол, а потом задушил. – Она неуверенно улыбнулась. – Фигня какая-то, ну?

– Но все было именно так, – перебил ее Юра. – И ты там действительно была.

Марина глядела на него круглыми от ужаса глазами. Девушка подскочила на месте, когда дверные петли скрипнули в два раза громче из-за царившей вокруг тишины и вошел Глеб, вертя в руках четыре маленьких картонных пакетика.

– Я не нашел воду, да-да, не пяльтесь так на меня, в этой больнице нет питьевой воды. Держи сок.

Он протянул Марине четыре пакетика – все с разными вкусами – та выбрала ананасовый и коротко поблагодарила напарника.

– А ты какой будешь, новенький?

– Грушевый.

– Мне томатный тогда. – Глеб поставил на прикроватную тумбочку оставшийся пакетик.

– Майор Помидорка, – еле слышно сказал Юра, уже жуя зубами трубочку.

– Рядовой Глюк, – буркнул Глеб в ответ, занятый тем же.

– Кстати, о... – оживилась Марина, все еще не открывшая свой сок. – Что было сейчас?

– То есть? – переспросил Юра, хотя прекрасно понимал, о чем она говорит.

– Мужик, истерия, неподчинение высшему офицерскому составу, игнорирование прямых приказов, незнание элементарных разделов ботаники, – подсказал Глеб с кислой миной.

Юра коротко пересказал произошедшее, упомянув в основном о своих передвижениях и внешнем облике мужчины в плаще (на что получил особенно много красочных комментариев Глеба), и совсем кратко – об их и без того недлинном разговоре. Он решил опустить бóльшую его часть, отметив лишь то, что мужчина говорил с трудом, будто что-то ему мешало, и что он был до отвращения искренне рад, когда Юра ему ответил.

Несколько минут после того, как Юра закончил, все молчали, переваривая услышанное.

– И ты все еще думаешь, что это был не феникс? – спросил Глеб, прервав наконец затянувшуюся паузу.

– Уверен.

– Почему? – не унимался майор. – Кто еще это может

быть? Он же страшный, как... – Он замялся. – Я хотел привести сравнение с задом бабуина, но теперь эти звери кажутся мне симпатягами со всех сторон.

– Не отвлекайся, – поправила его Марина.

– Я к тому, что это явно не человек, так? – все кивнули. –

Значит, феникс.

– Нет, – Юра устало потер глаза, – мы столкнулись с чем-то другим.

– Да как же...

– Четырнадцать лет назад никто не верил в фениксов, – напомнила Марина.

Этот довод подействовал, Глеб выглядел недовольным, однако согласно кивнул. В самом деле, совсем недавно, когда они с Мариной были еще в старшей школе, в происходящих несчастных случаях винили что и кого угодно, кроме фениксов. Он очень хорошо помнил тот день, когда существование фениксов приняли – к тому моменту прошел год с рождения первого феникса, известного общественности.

Сотни людей погибли из-за того, что высшие чины сидели в теплых залах заседаний и ворчали, что кресла были слишком узкими для их огромных откормленных задов. И лишь когда феникс родился в одном из таких залов и перебил всех в нем находившихся – в их существование уверовали. Было бы верхом глупости допускать такую ошибку вновь.

– Он, ну, мужик этот, был «здесь», а не «там». Как объяснить...

– Мы поняли, – серьезно сказал Глеб.

– Так что нет, не феникс.

– Мы разберемся с этим. Только не ходи к нему больше один, ясно? – Глеб сидел в полумраке, напряженные мышцы проступали через тонкую ткань футболки.

– Хорошо.

– Врешь.

– Я же согласился.

– Соврал.

Глеб смотрел на Юру в упор, прожигая взглядом насквозь. Его глаза выглядели неестественно светлыми из-за контраста с темными волосами, а сейчас они ловили каждое движение парня напротив, мгновенно замечая все перемены в его лице и позе, выдававшие истинные чувства еще не научившегося скрывать их солдата.

– Он не станет говорить со мной, если рядом будет кто-то еще, – признался Юра, поняв, что спорить бесполезно.

– И как ты это выяснил?

– Он чуть не ушел, когда я ответил тебе по рации.

– Черт. – Глеб поднялся и, сведя руки на затылке, начал расхаживать по палате.

Он гневно скрежетал зубами и периодически замирал, пытаясь унять желание швырнуть что-нибудь тяжелое в стену. Марина и Юра сидели молча, глядя друг на друга. Перед глазами снова встала площадка у офисного здания, на которой были они оба. Вдруг глаза девушки расширились, и она ска-

зала едва слышно, так, что даже Краев расслышал с трудом:

– Я видела этого мужчину.

Юра смотрел на нее, принимая ее страх и удивление, полностью проглатывая их. Он не успел ничего ответить, Глеб подошел к кровати.

– Плевать, – сказал он стальным тоном. – И на мужика этого, и на загадки. Я не могу позволить тебе ходить к набитой иглами заднице в одиночку. Если он не хочет говорить в моей компании – пусть молчит.

– Но...

– Ты сказал, он был рад говорить с тобой, так? – Юра кивнул. – Хочет и дальше наслаждаться поболтушками – придется принять наши условия. Дискуссия окончена.

Глеб рассерженно смотрел на охотников, ожидая протестов, но их не последовало.

– Нам нужен отдых. Всем нам. – Он посмотрел на Юру, который только сейчас почувствовал усталость, силы просто закончились в какой-то момент все разом. – Тебе принесли кровать.

Он мотнул головой, указывая на стоявшую позади железную койку со скрипучим пружинным перекрытием, на которое кинули тонкий пожелтевший матрас, простыню и колючее шерстяное одеяло без пододеяльника; подушки не было.

– Пардон, – Глеб заметил разочарованный взгляд рядового. – Сказали, что раз не болен, не развалишься.

– Я предпочитаю спать дома.

– Не сегодня, новенький, – покачал головой майор. – Приказ генерала.

Продолжать спор было бесполезно.

Глеб попрощался с Мариной, обнял ее и сказал что-то на ухо, что заставило ее негромко рассмеяться. Он вполголоса отдал приказания прапорщикам, которые, вытянувшись по струнке, выслушали все указания и тяжело вздохнули, понимая, что смены не будет, а им придется стоять тут до утра.

Юра дождался, чтобы шаги майора затихли, после чего слез со своей скрипучей кровати, которая, вероятней всего, еще царя застала, и присел рядом с Мариной. Он хотел, чтобы она разъяснила, что имела в виду, когда сказала, что видела мужчину в длинном плаще.

Но, к его разочарованию, девушка уже уснула. Она откинулась на подушках и часто, но ровно дышала. Юра решил, что расспросы подождут до утра, и вернулся на свою кровать.

Ржавые пружины то ли заскрипели, то ли зарыдали, прогнувшись под его весом. Он тихо хохотнул, когда, чуть подпрыгнув, коснулся спиной пола. Поворочался, чтобы понять, что удобного положения нет, и в итоге улегся на спину и устался в потолок. К утру он должен назвать феникса, который скоро родится в этой больнице. Забавно, но он почти забыл об этом.

Парень вскочил с кровати и, шлепая голыми пятками, пошел в туалет. Палата Марины имела отдельный – комнату метр на метр, выкрашенную в насыщенно-бежевый. Пожел-

тевшая сантехника, кран с единственным вентиляем для холодной воды, зеркало, прикрепленное к стене несколькими плотными нитками, цеплявшимися за вбитый в бетонный блок стены гвоздь. Юра подождал несколько минут, чтобы вода из крана стала из мутно-коричневой прозрачной, после чего помыл руки мылом, лежавшим на старой губке (что, впрочем, хотя бы сохраняло его сухим), и умылся ледяной водой.

Упершись руками в раковину, он взглянул на собственное отражение. Вымотанный, с покрасневшими от усталости глазами, бледный. Ничего нового, в самом деле. Замигала единственная лампочка, освещающая комнату. Краев протянул руку и пару раз легонько ударил по толстому матовому плафону, что было чистым рефлексом – но лампочка мигать перестала. Он снова повернулся к раковине, чтобы закрутить вентиль, заметив боковым зрением собственное отражение в зеркале. И кого-то позади.

Краев медленно повернулся к зеркалу. За ним кто-то был. Высокий – Юра едва доходил ему до груди – голый мужчина. Настолько тощий, что можно было видеть каждую косточку и сухожилие, обтянутые бледной зеленоватой кожей. Лица не видно, оно где-то под потолком и в зеркало не попадает. Его грудь поднимается и опускается, натягивая кожу так, что, кажется, ребра вот-вот прорвут тонкую оболочку. Он не шевелится. Его длинные руки спускаются вдоль туловища и заканчиваются где-то за пределами зеркала. Парень

с усилием перевел взгляд на собственное отражение.

Юра улыбался.

Глава 3

В твоих венах я

Краев медленно поднес дрожащую руку к лицу. Да, так и есть, его губы растянуты в улыбке, которую он не чувствовал и не мог убрать с лица. Отражение колотило от нетерпения: оно смотрело то на охотника, то на стоявшего позади мужчину. Сердце бьется слишком быстро, вот-вот разорвется. Юра сумел только протянуть руку, которой только что касался собственных губ, к губам отражения.

В момент, когда он прикоснулся к зеркалу, что-то дернуло его вперед с достаточной силой, чтобы выдернуть руку из сустава. Он никуда не делся, все так же стоял в туалете перед зеркалом. Высокий голый мужчина исчез, ощущение собственного тела вернулось, только очень сильно болело плечо. Юра попробовал его размять, но последовала резкая боль – к руке было не прикоснуться. Он устало пожал здоровым плечом, подумав, что удачно очутился в больнице, и зашагал по холодному линолеуму в коридор, к дежурной медсестре.

– Вы же меня впустите обратно? Основные приметы: в трусах, босиком, – сказал он, выходя из палаты.

Прапорщики никак не отреагировали. Они стояли, прислонившись к стене, и с унылыми лицами глядели перед собой.

– Эй, ребята, я серьезно собираюсь через какое-то время вернуться. – Он толкнул первого солдата, тот не шевельнулся.

Толкнул снова – ничего. Затаив дыхание, Юра прикоснулся к вене на его шее – сердце прапорщика не билось. На всякий случай он проверил пульс второго – также. Парень ошалело улыбнулся, его била крупная дрожь. Он пробежал по коридору и нашел там заснувшую с включенным телевизором дежурную медсестру. Ее сердце тоже не билось. Сомнений нет, он «там». Юра медленно выдохнул, полностью изгнав из себя весь воздух. Затем, прикрыв глаза, вдохнул. Он хотел наполнить себя здешним сухим кислородом, колючим, соленым, пахнущим железом.

Да, феникс. Он должен найти феникса.

Эта мысль болезненно стрельнула в мозге, заставив резко раскрыть глаза и поморщиться. А хочет ли он его искать? Что произойдет потом? Либо им займется Форт, что не сулит ничего хорошего ни фениксу, ни человеку, в котором он родится. Либо он будет убит. Юрой. Рядовой с силой сжал кулаки, с удивлением ощутив резкую боль. Поднес к глазам ладони и в полумраке, разбавленном лишь настольной лампой

медсестры, увидел неглубокие кровоточащие раны от ногтей.

Ребенок смеется.

Юра резко дернулся, забыв и о своих руках, и о плече. Звонкий детский смех раздавался откуда-то из глубины темных больничных тоннелей. Включенной была лишь одна лампа из шести, создавая из длинной кишки коридоров черные проходы с редкими огнями дрожащего электрического света. Юра затаил дыхание, чтобы не пропустить ни единого звука. Смех повторился очень скоро, но звучал уже дальше. Однако определить направление ему удалось. Парень двигался по коридору быстро, но как мог тихо, держась в тени. Он старался не отвлекаться – в голове конкретная цель.

Но хотелось дышать. Просто встать на месте и вдох за вдохом наполнять себя этим воздухом, сделать себя частью этого места.

Он двигался вперед, долго выжидая перед каждым островком света. Лишь услышав смех вдалеке, перепрыгивал через бледное пятно света и снова замирал перед следующим. Ребенок был где-то совсем близко. По голосу похоже, что это девочка. Она напевала что-то, но слов было не разобрать.

Наконец, он уперся в тупик – перед ним выросла стена противоположного больничного крыла, завешанная плакатами с информацией для пациентов. Справа – дверь на лестничную клетку, слева – общие душевые на этаж. Юра рас-

терянно шарил глазами по темноте, а смех раздался вновь, очень близко. Он обернулся и заметил в пятне света от ламп краешек белой юбочки с крупным кружевом и розовую туфельку на ремешке, надетую на белоснежный гольф с нарисованными вишенками.

Он рванулся следом, но смех зазвучал вновь уже вдали – гнаться не было смысла. Он медленно зашагал следом, заглядывая в открытые палаты. В комнатах находилось по пятьдесят кроватей, почти на каждой спал человек. Кто-то уснул с раскрытой книгой в руках, кто-то сбросил одеяло из-за жары. Юра быстро переходил от одного круга света к другому, прислушиваясь, – теперь смех зазвучал совсем тихо, с другого этажа. Он постоял несколько минут на месте, дожидаясь, пока голос раздастся вновь, чтобы определить направление.

– Почему ты в одних трусах?

Кто-то дернул его за край боксеров, чуть не стянув их. Юра резко оглянулся, но в темноте никого не увидел. Зато услышал залиvistый смех, совсем рядом.

– Потому что я спал.

– Все спят, – обиженно сказала девочка. – Никто не хочет со мной играть.

– Давай я поиграю. Хочешь?

Он не узнавал свой голос. Тихий, низкий, колючий.

– Хочу!

– Во что мы будем играть?

– В салочки! Ты водишь!

Детская ладошка хлопнула по его ноге, раздался смех и быстрые шаги крохотных ножек. Юра побежал следом наугад – девочка смеялась то спереди, то сзади, то с других этажей. Парень в ужасе осознавал, что только что говорил с фениксом.

Девочка, маленькая девочка. Он не видел лица, но сколько ей? Четыре-пять, не больше. Она еще неумело говорила, склеивая слова в один большой резиновый мяч, который гулко бился о стены. Он не сможет. Охотник остановился, глядя перед собой. Дети не должны становиться фениксами, он просто не сумеет справиться с этим, даже у себя в мыслях.

Впереди бледнели восемь продолговатых ламп, откидывавших ровные круги света на потертый охристый линолеум. Столько же позади. В густой тишине раздался громкий щелчок – самые дальние лампы с обеих сторон погасли, сократив коридор на несколько метров и спереди, и сзади. Пространство за границей крайних пятен света съедалось, сжималось и, издав неслышный никому истошный вопль, исчезало.

– Ты не играешь! – раздался обиженный крик из глубины темноты.

– Извини, – Юра с трудом изобразил слабую улыбку. – Я задумался.

– Ты плохой вода.

– Какие еще игры тебе нравятся?

Голос девочки звучал то совсем рядом, то сразу отовсюду.

– В прятки тоже весело играть!

– Хорошо, я сосчитаю до десяти, а ты прячься.

Он никогда не сможет даже подумать об этом.

– Нет, искать буду я.

Девочка то ли заскучала, то ли рассердилась. Юра услышал негромкий хлопок от того, что она топнула ножкой. Детский звон исчез из голоса.

– Ты обиделась?

– Раз.

– Эй, – он неуверенно пошел на голос, – иди сюда, не дуйся.

– Два.

– Как тебя зовут?

– Три.

Голос рос, крепчал, грубел. Из серого он стал иссиня-черным и шершавым, как щебень.

– Меня – Юрой.

– Четыре.

– Ну, ты же большая девочка, а ведешь себя, как малышка.

– Пять, – раздалось у самого уха.

Паника взрывной волной прошла через его тело за один миг. Это не ребенок. Это феникс, который похож на ребенка, ведет себя так, выглядит, смеется и звучит. Но это неправда.

– Шесть.

Не успеет спрятаться. А если и попытаться – феникс везде. Она растворилась в воздухе, витая частичками, атомами сразу в каждой единице пространства. Всего четверть часа

назад он с упоением вдыхал ее вместе с воздухом. И теперь она и в нем самом, попала в кровь и мозг. И знает обо всем, о каждой мысли, даже о тех, которые он сам не замечал.

– Семь.

Бежать. Нужно возвращаться. Только...

– Восемь.

В прошлый раз он вернулся, лишь убив феникса.

– Девять.

Не сможет. Желудок стягивало в тугий пучок от мысли, что он должен это сделать.

– Десять.

Шагнул в сторону, исчезнув из пятна света.

– Я иду искать.

Голос грубый, резкий, ржавый, насмешливый. Смех убийцы.

Волнение исчезло, выплюнутое с первым же выдохом. Тело отяжелело. Он не видел, но чувствовал, как вены его рвутся, не выдержав острую темноту, заструившуюся по ним. Разорвав каждый сосуд, чернота эта медленно нагревалась, пока не начала тихонько кипеть, ожидая, когда он выплеснет ее раскаленной массой. Мыслей не было. Воздуха тоже. Феникс, которого он успел вдохнуть и впитать в кровь и органы, был изгнан, спален и сейчас гнил, окружив охотника зловонием.

– Я слышу тебя.

Феникс шипел от полученной раны. И он собрался обрат-

но, воедино. По атому соединившись снова в тело, к которому можно прикоснуться. Которое можно убить. И надо успеть до того, как голос опять начнет звучать со всех сторон одновременно, а феникс будет по частицам парить в воздухе.

Слышит? Юра улыбнулся. И вытянул руку вбок, позволив электрическому свету осветить его запястье. Кожа была покрыта черными тонкими полосами, будто лобовое стекло в трещинах после удара. Он несколько раз сжал и разжал руку, глядя, как его кожа несильно пузырится, надуваясь и дымясь.

– Я вижу тебя.

Он ухмыльнулся, довольный результатом. Убрал руку, слившись с темнотой.

– Братик, ты нечестно играешь.

На секунду кровь замерла, но тут же снова закипела, лишь охотник нахмурился. Он мотнул головой, отбрасывая лишнее. Сейчас ему надо выиграть.

– Но я все равно тебя найду. Где же ты... Может быть, тут?

В тишине скрип распахнувшейся двери и стук ее о стену звучал в десятки раз громче. Но он не вздрогнул, когда открылась дверь в палату в нескольких метрах от него. Шаги больше не были детскими. Тяжелый топот, сильные удары пяток. Будто молоток бьет по полу. Пять раз подряд весь коридор – от края до края – наполнился хрустом костей. Ни одного вскрика не послышалось. Из палаты медленный, ленивый поток крови устремился к пятнам света, чтобы согреть-

ся под электрическими лампами.

– Здесь нет...

Мелькнула дверь следующей комнаты – ближе к охотнику. Тот не шевельнулся, не вздрогнул. Когда раздался звук сломанной кости, он быстрым спокойным шагом, ступая с носка, направился вперед. Он помнил, что в этой палате стояло десять кроватей, две свободны. Хруст раздался трижды – гулко, долго. Она не ломала шею и не пробивала череп. Феникс отламывала ребро и медленно, зачарованно пронзала орган за органом, глядя, как человек перевоплощается в кровавый ручей.

Охотник замер перед открытой дверью, дожидаясь, пока она отойдет от последней кровати. Он стоял в шаге от двери, выжидая, чтобы феникс вышла. Выйдя, она направится либо налево, либо направо, либо прямо – в палату напротив. Налево – она попадет прямиком в его руки. Он проиграет в прятки, а она умрет. Направо – он последует за ней и будет терпеливо слушать каждый хруст, каждый удар и хлюпающий звук от проникновения острого обломка кости в плоть. Если же она направится к противоположной двери, он выиграет. И этого ему хотелось больше всего, обыграть феникса в его же забаве. Охотник оскалился, не сопротивляясь проникающим в его разум мыслям.

Ему было весело.

Место страха занял азарт, игра полностью его поглотила. Настолько, что он смог не дышать. В восьмой раз хрустнула

переломленная кость. Омерзительные звуки рвущейся плоти затихли. Ни одна частичка в воздухе не шевелилась – даже мутные пылинки, парившие вокруг, замерли.

Хлопнула открывшаяся дверь. Охотник увидел, как в комнате прямо перед ним мелькнула вырванная из груди кость. Он улыбнулся, не веря в такую удачу – феникс выбрала палату по другую сторону коридора. Ошалело улыбаясь и до боли раскрыв глаза, он, прижавшись к стене, боком скользнул мимо первого пятна света. Ему удалось не попасть под лампу. Незамеченный, он преодолел остальные пятна вдвое быстрее, тратя большую часть сил на то, чтобы не засмеяться в голос.

Охотник добрался до старта. Он знал, что больница стала кольцом, соединив вход с выходом, смерть с жизнью, старт с финишем. И это сделала не феникс. С каждым разом, когда люди, у которых была написана на спине смерть, выходили из этих дверей живыми, они тянули больницу за собой, растягивая ее, размягчая. Такие места не могут быть конечными или четкими по определению. Оттого здесь лучше всего играть в прятки.

Он скользнул мимо замерших на месте прапорщиков и нырнул в туалетную комнату. Дрожащими от нетерпения и азарта руками схватился за раковину, которая чуть пошатнулась под его натиском и царапнула старую стену позади. В тишине оглушительно громко несколько песчинок бетона осыпались на раскаленный пол. Она услышала его, точно

услышала. Нужно спрятаться.

Зеркала нет.

Он смотрел перед собой и не видел отражения. В панике ощупал стену – под пальцы легко гладкое стекло. Нет, зеркало на месте – он облегченно улыбнулся, случайно оцарапал зубами губу (Или она уже была разбита? Когда?). На язык попали соленые капли крови. Зеркало висело все там же, хоть и не отражало. Но показывало. Охотник увидел знакомое недовольное выражение лица, ясный острый взгляд, хорошо скрытое раздражение в движениях, которое, однако, от глаз охотника не укрылось.

Надо показать ему, позвать. Юра потянулся к зеркальной поверхности, но не смог к ней прикоснуться. Рука прошла насквозь. Пылающая, кипящая, она окунулась в прохладу, царившую на той стороне. Их стороне. Он поудобней перехватил край раковины и всем телом подался вперед. Рука прошла через стекло легко – будто совсем ничего между «там» и «здесь» не было, а голова уперлась во что-то упругое, теплое и пульсирующее. Он услышал вскрик и выстрелы. Все пули ударились о его кожу и упали на пол сплюсненными дисками. Рядовой сильнее рванул вперед, прорывая преграду. Она разорвалась с глухим воем, от которого он вздрогнул. Его пропитало чувство вины, осознание того, что только что причинил кому-то боль.

Но через мгновение он увидел перед собой Василия и вспомнил о поставленной цели.

Полковник стоял ровно, держа в вытянутой руке пистолет, уже выпустив всю обойму в руку Краева. Когда тот вынырнул «оттуда» наполовину, он увидел на лице начальника отвращение и... что это было? Удивление? Глава поискового отряда будто не узнал своего охотника. Он шагнул назад, вжавшись в стену, оклеенную чуть отличавшейся по оттенку голубой плиткой, задев плечо лежавшего на полу рядового. Тот был без сознания – Юра несколько секунд разглядывал самого себя: кукла без разума и силы, оболочка. В комнату вбежала бледная Марина.

Воздух и «здесь», и «там» дрогнул от ее вопля. Охотник удивленно уставился на нее, но тут же за спиной услышал знакомые шаги – феникс была совсем рядом. Он схватил полковника за запястье и резко дернул на себя, одним быстрым движением втолкнув его за собой.

* * *

Василий упал плашмя на пол. Он тут же вскочил на ноги, на это у него ушло всего мгновение, и оглянулся. Ему было сложно дышать – воздух горячий, будто совсем лишенный кислорода.

– Прячься!

Перед ним стоял новый охотник центрального отряда – надоедливый рядовой, которого он хотел удушить девять раз только за прошедший день. Глаза Юры лихорадочно блесте-

ли, губы растянуты в широкой улыбке, лицо измазано кровью. Парень быстро выбежал из туалета, дернув того за собой. Василий выскочил следом, но палата была будто пуста. Он не сразу заметил Марину, которая лежала в кровати и спокойно спала. Почему спала? Он нахмурился – минуту назад она была рядом с ним. Так почему спит, как такое возможно? Полковник подошел к девушке и потряс ее за плечо. Она никак не отреагировала. Горло сдавило от начавшего пожирать его понимания происходящего. Он проверил ее пульс – сердце не билось.

– А ты кто? – тоненький детский голосок.

Василий обернулся – перед ним в центре комнаты стояла маленькая девочка. Длинные русые волосы заплетены в две косички с белыми узкими ленточками, завязанными бантиками на кончиках. Летний белый сарафан, украшенный кружевами, которые, похоже, кто-то терпеливо пришивал вручную. Девочка смотрела на него ясными серыми глазами и обиженно надула губы.

– Я охотник, – он присел перед ней на корточки. – Где твоя мама?

– Кого ты ловишь?

Облака медленно ползли, наконец позволив широкому серпу месяца окунуться в ночное небо. Палата, освещенная луной, из черной стала серой. В комнате находились четверо. Спящая девушка, у которой не билось сердце. Спрятавшийся охотник, вся воля которого сейчас уходила на то, чтобы

не захохотать. Полковник, у которого слова застряли в горле. И девочка которая, не отрываясь смотрела на полковника своими серыми глазами без зрачков.

– Преступников, – ответил Василий, сумев не выдать ни в голосе, ни в лице удивления.

– Так ты милиционер?

– Да, именно. – Он улыбнулся и потрепал девочку по голове, та смущенно улыбнулась. – Так где твоя мама?

– Поиграй со мной! – Она звонко засмеялась и подпрыгнула на месте.

– Как тебя зовут?

– Я уже играю с одним дяденькой в прятки. Он ходил по коридору в одних трусах! – Она театрально прикрыла рот ладошкой и, покраснев, добавила: – Сра-а-а-ам!

– Где твоя мама? Как тебя зовут? – Вася нахмурился.

– Я досчитаю до десяти, а ты прячься, я буду вас обоих искать!

Полковник схватил девочку за крохотную ручку, сжав не больно, но сильно.

– Отвечай.

– Не буду.

– Почему?

– Потому что ты мне врешь.

Девочка переменялась в лице. Она уже не прыгала, полная энергии, не глядела вокруг в поисках игрушек или идей для игр. Серые глаза без зрачков не моргая смотрели только

на Василия. Ее запястье в его руке обмякло. Детское лицо выглядело неестественно серьезным.

– Я не обманывал тебя. – Полковник улыбнулся и чуть потряс руку ребенка – та была абсолютно безвольной и ватной.

– Лжешь, – выплюнула девочка.

– Где твоя мама?

– Правда хочешь знать? – шепнула она, приблизившись к нему.

Василий молча кивнул, выдержав долгий взгляд немигающих глаз. Девочка сделала шаг навстречу и сказала ему на ухо, уткнувшись в него носом:

– Мы играли в прятки. Я ее нашла.

Она залилась похожим на кашель смехом. Голос стал грубым и глухим.

– Отпусти.

Полковник только сильнее сжал ее руку. Девочка насупилась, ее губы задрожали, а через секунду по щекам заструились крупные слезы, сопровождаемые детским плачем в голос. Василий не слышал этого и не видел. Он чувствовал, что держит феникса, не ребенка. И знал, что отпускать ее нельзя. Спустя несколько минут горьких рыданий девочка прекратила плакать в одну секунду, резко извернулась и укусила полковника за руку. Он вскрикнул от удивления и рефлексивно разжал запястье, тут же сжал пальцы обратно, но схватил лишь воздух.

Девочка, отскочив назад, еще раз внимательно оглядела

его с ног до головы, запоминая черты его лица и фигуру, ширину плеч, длину ног, размер ладоней. Василий рванулся вперед, полоснул рукой воздух, но феникс успела еще раз отпрыгнуть назад, и охотник лишь дернул кончиками пальцев ее сарафан, не сумев ухватиться. Тучи снова пожрали луну, комната из серой вновь почернела.

Темнота спустилась так быстро, что на мгновение Василий совсем потерял зрение. Он успел лишь заметить, как девочка широко улыбнулась, и ее белые зубы были единственным светлым пятном на полностью покрытом кровью фениксе. После он ослеп на долгое, вязкое мгновение. Он несколько раз наугад вслепую попытался схватить девочку, но его руки не встретили никакого сопротивления. Когда он снова начал различать силуэты и контуры вокруг себя, феникса в комнате уже не было.

* * *

Юра мотнул головой – та была будто отлита из свинца, в затылке била тупая боль. Он открыл глаза, на несколько секунд его ослепила лампочка, без плафона свисавшая на толстом проводе с потолка. Он несколько раз моргнул, привыкая к свету.

– Очнулся! – выдохнула девушка, сидевшая рядом.

Марина быстро сняла с его лба высохшее за несколько минут полотенце и положила взамен другое, пропитанное хо-

лодной (горячей все равно не было) водой.

– Как ты сюда попала? – Он поморщился от боли в затылке.

– Куда? – лицо девушки удивленно вытянулось.

– На другую сторону.

– Ого, как ты приложился... – Она сочувственно взглянула на него.

Он догадался.

– Где мы?

– Где и были, – она неуверенно улыбнулась одним уголком губ, – в больнице.

Юра разочарованно вздохнул. Вернулся. Так же внезапно, как и в прошлый раз. Хотя возвращаться совсем не хотелось.

– А где муadak с тремя звездочками?

Марина скривилась, ее веки вздрагивали, но она не моргала.

– Он не вернулся? – Юра приподнялся на локтях.

Девушка отрицательно помотала головой.

– Это странно, – протянул он, снова откидываясь на кровать. – Я думал, мы вместе вернемся.

– Как это вместе? – Она ошарашенно толкнула парня в бок.

– Ну, мы оба там были. Я сумел его «туда» отвести, прикинь?

– Как ты это сделал? – Девушка побелела, ее дрожь усилилась, проникнув в голос.

– Через зеркало, – Юра сел в кровати, непонимающе глядя на девушку, – в туалете.

– Там не ты был. – Она медленно мотала головой из стороны в сторону.

– Нет, точно я. – Он возбужденно улыбнулся. – Я его за-тащил внутрь. Пролез через зеркало и...

Он приобнял ее за плечи, но Марина вырвалась и, уронив стул, отскочила к противоположной стороне комнаты, вжавшись в стену.

– Я все видела, это был не ты.

Он наконец вспомнил, что в последний момент, когда он уже почти дотянулся до руки Василия, девушка увидела их и закричала. Он списал все на чрезмерное удивление (впрочем, есть чему удивляться), но сейчас понял, что причина была иной.

– Что ты видела?

Марина медленно сползала по стене, сильно дрожа и не отводя от Юры взгляда. Парень слез с кровати и шагнул в ее сторону. Она дернулась, потеряла равновесие и, не успев подставить руки, упала на пол плашмя, ударившись коленками и скулой.

– Марина, не бойся. – Он вытянул вперед руку, но приближаться больше не стал. – Это я, вот прямо сейчас – я.

Он улыбнулся и выждал несколько минут. Она повернулась к нему лицом и села, упершись спиной в стену и обняв прижатые к груди колени.

– Как тебе доказать?

Она отрицательно мотнула головой:

– Я верю, извини.

Юра осторожно подошел ближе и опустился на пол рядом с ней.

– Расскажи, что видела.

Он коснулся ее пальцев, Марина дернулась, но убежать не стала. Выждав еще несколько минут, Юра тыльной стороной ладони вытер ее слезы и обхватил щеку, медленно проводя по ней большим пальцем. Это монотонное движение начало понемногу успокаивать девушку, она стала ровнее дышать.

– Из зеркала не ты вылез. – Она расслабила шею, упершись головой в его ладонь.

– А кто?

Несколько секунд она смотрела сквозь него, после чего пожала плечами с обреченностью сумасшедшей.

– Монстр.

Юра нахмурился. Он точно знал, кто проник через зеркало, кого она видела. Он помнил это во всех деталях, его сердце все еще стучало в такт пульсирующей перепонке зеркала.

– Ты можешь описать его?

Марина задумалась и кивнула. Она закрыла глаза и сморщилась, вспоминая увиденное.

– У него не было глаз – только пустые дыры глазниц. Из них вытекал гной. Кожа прожжена насквозь, видно кости, видно внутренности, они тоже в гное, вываливаются из ту-

ловища.

Она закашлялась от рвотного рефлекса. Юра гладил ее по щекам и плечам, пытаясь успокоить.

– Зубы на все лицо, без губ. Вот отсюда. – Она слабо прикоснулась к верхней точке его скул. – Прямо отсюда растут. Гнилые, черные, на все лицо!

– Больше не надо. – Он с силой рванул ее к себе и крепко обнял, ненавидя себя.

В первую очередь за то, что заставил ее рассказать. Следом – за то, что заставил ее смотреть. Неужели он так выглядел? Но он чувствовал себя нормальным – в том числе когда прорвал зеркало, он тянул к Василию свою руку, обычную, покрытую смуглой кожей и с заусенцами на пальцах. Кожа не кипела, как рядом с фениксом, – он резко выдохнул, вспомнив об этом. Марина ровно дышала в его руках, но он не решился ее выпускать, продолжая гладить по спине.

Сейчас, вернувшись, он вспоминал произошедшее так, будто видел все со стороны. Впрочем, «там» все слишком отличается – и он тоже отличается. Полностью, не только внешне (Неужели он так выглядел? Нет, он помнил себя, этого не могло быть), но и физически – «там» он сильнее, быстрее, может не дышать и сливаться с темнотой. Может убивать фениксов.

В любом случае это половина проблемы. Причем меньшая. Он должен забрать полковника обратно и понятия не имеет, как это сделать. Втащить постороннего человека на ту

сторону оказалось достаточно просто, а главное – возможно. Значит, должен быть путь в противоположном направлении.

Зеркало. Так или иначе, каждый раз все начиналось с отражения: сначала он увидел себя на залитом кровью полу офиса, потом – здесь, в туалете, всмотревшись в зеркало. Юра нахмурился – нет, через зеркало он не сможет полковника вытащить.

Только сейчас он осознал простой факт: если в том, как попасть «туда», он еще хоть что-то понимал, то как возвращался обратно – не имел ни малейшего представления. Он просто в какой-то момент моргал и, снова открыв глаза, оказывался «здесь». Оба раза это произошло против его воли или желания, абсолютно неожиданно и без каких-либо ключей. Его предположение, что в прошлый раз он вылетел «оттуда» из-за убийства феникса, разбилось в пыль – феникс, блуждающая по больнице, жива и здорова.

Возможно, «там» может находиться только кто-то один, но почему тогда он не вернулся сразу? Он несколько минут стоял в тени за дверью и наблюдал, как полковник разговаривал с фениксом, не зная, как именно она играет. Они долго там пробыли вместе, так что это предположение тоже не работает. Но какие-то правила быть должны.

В конце концов, на входе они есть – висят отлитой из свинца табличкой, и первым пункт в них: «Посмотри в глаза своему отражению, пока оно не посмотрит на тебя в ответ». На двери выхода они тоже есть, просто он их еще не заметил.

Крик. Истошный, обдирающий горло, срывающийся на хрип вопль разрубил больницу надвое – на «до этой минуты» и «после нее». Марина проворно вскочила на ноги и выбежала в коридор. Юра увидел ее замерший в дверном проеме силуэт, когда пошел следом. Она не двигалась и смотрела себе под ноги. Рядовой шагнул за порог палаты и опустил босую ступню во что-то липкое и вязкое. Он знал, что это, еще до того, как посмотрел вниз.

Весь коридор – от дальнего тупика с доской объявлений для пациентов и до палаты лейтенанта Соколовой – был залит ярко-алым слоем крови. У одной из дверей стояла девушка в больничной сорочке, схватившись за косяк, чтобы не упасть. Ее ноги дрожали, и она с трудом удерживала равновесие. Девушка в ужасе смотрела вокруг и хватала ртом пропахший железом воздух. Сверху и снизу слышался топот, а через минуту в центр коридора, с лестничной площадки и из лифта, посыпались люди, прибежавшие на крик. Они как муравьи хлынули внутрь, замерев через секунду на границе кровавой лужи. Люди топтались перед ней, будто стоя на краю обрыва, и не решались шагнуть дальше.

Юра уже понимал, что случилось. Он умирал за каждого из этих людей одновременно, его наполняла резкая боль, будто в глотку залили расплавленное олово, которое сожгло все внутренности и уже застыло, заполнив его изнутри. Он мог это предотвратить? Мог. Он знал, что должен был сделать. В первую очередь теперь он – охотник. И он упустил

феникса, хотя должен, обязан был сломать ее шею, переломить пополам. Без жалости, без рассуждений. Что-то внутри орало, что это неправильно, что так нельзя. Но он, охотник, точно знал, на чьей он стороне. Теперь знал.

Рядовой за несколько прыжков преодолел расстояние до палаты, возле которой пыталась не упасть девушка. Он успел ухватить ее, та тут же обмякла в его руках, беспомощно уронив лицо ему на грудь. За ее спиной находилось десять кроватей. Две пусты, с одной в кровь сброшены одеяло и подушка, на семи лежали люди. Их грудные клетки вскрыты, белеют вырванные из плоти ребра, животы пусты, все органы аккуратными кучками лежат под каждой из кроватей.

Следом подоспела Марина. Она поскользнулась на крови и проехала на пятках еще пару метров, после чего вернулась и заглянула внутрь. Девушка ахнула и рефлекторно зажала рот руками.

– Еще в двух палатах так же, – сухо сказал Юра, подхватив девушку на руки.

– Откуда ты знаешь?

Рядовой молча пошел в сторону их с Мариной комнаты, морщась каждый раз из-за хлюпанья крови под босыми ногами. Девушка оказалась совершенно невесомой, и это было ему знакомо. Он ощущал ее на своих руках совсем недавно. Юра внимательно посмотрел на девушку, которая вздрагивала всем телом при каждом вдохе. Она прижималась к нему лицом, и он ощущал мятный аромат, исходивший от ее тем-

ных волос. Нет, ему показалось, эта невесомость лишь похожа на ту, которую он ощущал на своих руках вчера.

Позади дважды хлопнули двери и послышались приглушенные вскрики лейтенанта. Марина не решилась зайти ни в одну из палат и, придя в себя, побежала следом за Юрой, обогнала его и первая вбежала в комнату, тут же схватив рацию.

– Глеб, мы в дерьме, – она трясла пластмассовую коробочку, надеясь, что та перестанет трещать помехами. – Феникс родился раньше времени. Ты слышишь?! Феникс уже здесь!

Ответом послышались лишь обрывки голоса майора, которые было не разобрать.

– Он едет, – сообщила Марина. – Плохо, что Васи нет.

Она нервно ходила из одного угла комнаты в другой, то и дело оборачиваясь к выходу – не начала ли кровь сочиться из-под двери к ним в комнату. Она чувствовала себя окруженной, загнанной в угол.

– Очень, очень плохо, что нет Васи, – повторяла девушка снова и снова, судорожно сжимая кулаки.

– Позовите его, – послышался тихий, чуть охрипший голос.

Юра вздрогнул – он прекрасно знал этот голос, помнил все его интонации. Девушка, которую он все еще держал на руках, уперлась холодной дрожащей ладонью в его ключицу и немного отстранилась, повернувшись к Марине.

– Не можем, – коротко ответила лейтенант, даже не взгля-

нув на нее.

– Что с твоими волосами? – спросил Юра, глядевший на курносый профиль.

Девушка обернулась к нему, чуть сильнее надавив на его ключицу от испуга. Она глядела на него с удивлением и страхом. Так смотрят на то, что внушает ужас, но настоящим быть не может. Она сложила губы трубочкой и долго, пытаясь успокоиться, выдыхала, обдав его прохладным воздухом. Осторожно подняла руку и указательным пальцем сначала ткнула в скулу и щеку, а потом провела непрерывную черту от его виска до подбородка. Юра не отворачивался и терпеливо ждал, пока она убедится в том, что перед ней настоящий человек.

– А что с ними? – наконец отозвалась она.

– Потемнели.

Девушка ойкнула и поднесла прядь волос к носу, внимательно ее разглядывая.

– Я не знаю, как так...

– Оставь это до похода в салон, – раздраженно бросила Марина, заставив их обоих вздрогнуть.

– Не узнаешь? – спросил Юра у лейтенанта, проигнорировав ее недовольство.

Марина наконец остановилась и посмотрела на девушку. Она медленно, не отрывая от нее взгляда, подошла ближе и заглянула той прямо в глаза.

– Феникс, – прошипела она.

– Уже нет, – отрезал Юра.

– Мальчик мой, – вздохнула лейтенант, – фениксов, как военных, наркоманов и любителей сладкого, – не бывает бывших.

Девушка вертела головой, непонимающе смотря то на рядового, то на лейтенанта. Марина разглядывала ее еще несколько секунд, но после все же качнула головой и принялась снова расхаживать по палате.

– Почему Вася не возвращается? – Она терла покрасневшие глаза.

– Я не знаю, как ему вернуться. Не знаю, как сам возвращаюсь.

– Откуда? – шепнула девушка на его руках.

– Неважно. – Марина снова принялась трясти рацию, выясняя, где носит Глеба.

– Откуда? – повторила она, глядя на Юру.

Он хотел прикрикнуть на нее, чтобы перестала лезть куда не следует, приструнить, чтобы не мешалась, посадить на кровать, в конце концов, чтобы хоть руки освободить.

– Из места, где живут фениксы, – сказал он вместо этого.

Она снова уткнулась ему в грудь. Голой кожей он чувствовал ее до странного холодное дыхание.

– Я попробую сделать это еще раз. – Юра наконец опустил девушку на кровать, та нехотя отстранилась и села на самый край.

– Как? – Марина стояла, упершись руками в бока, и нерв-

но притоптывала ногой.

– Я не очень уверен, как это работает, но попытаюсь.

– Нет, – отрезала лейтенант. – До приезда Глеба никто никуда не идет, это приказ.

Юра оглянулся: пол палаты был заляпан кровавыми отпечатками босых ног.

– Я умыться, – бросил он, направившись в ванную.

– Не задерживайся.

Зайдя в уборную, он крепко схватил край крохотной раковины, услышал знакомый скрежет фарфора о стену, треск сыпавшейся на пол бетонной пыли. Охотник внимательно смотрел на себя в зеркало, видя испуганного, виноватого, разозленного мужчину, беспомощного, как ребенок. Отвержение от самого себя сжало горло, он резко наклонился над раковиной и закашлялся от подкатившей рвоты. Его не вырвало – нечем, – лишь горло драло судорогами от попыток выплюнуть омерзение, вызванное взглядом на самого себя.

– Осторожно. – В туалетную комнату робко заглянула девушка-феникс. – За этим зеркалом призрак.

Юра замер, выгнувшись над раковиной. Позвонки выступили так остро, будто вот-вот разорвут кожу, темные вены паутиной покрывали спину, пульсируя под показавшейся вдруг очень тонкой кожей.

– О чем ты? – Он не поднял головы.

– Не смотри в это зеркало, пожалуйста.

Она осторожно шагнула внутрь и потянулась к охотнику,

но не решилась прикоснуться.

– Почему?

– Ты из-за него плохо себя чувствуешь.

Охотник глухо хохотнул:

– Нет, не из-за него.

– Пожалуйста.

Она, закусив губу, сделала еще один шаг ему навстречу и, на всякий случай зажмурившись, кончиками пальцев прикоснулась к выступившим ребрам. Охотник вздрогнул и издал звук, похожий на сдавленный рык, но не сдвинулся с места. Она, снова открыв глаза, приблизилась еще на шаг и положила на чуть вздрагивающую спину охотника ладонь.

– Ты не виноват. – Девушка медленно гладила его по ребрам от позвоночника к бокам, едва приподнимая руку, чтобы вернуться обратно к позвоночнику.

– Почему?

– Призраки обманывают. – Она провела ледяным пальцем по его позвонкам.

– Похоже, меня и правда обдурили.

Юра наконец выдохнул, ощутив, что горло перестало сжимать от рвотных позывов. Он выпрямился в полный рост и развел в стороны руки, сжатые в локтях, чтобы размять затекшую спину. Девушка отпрыгнула на несколько шагов назад и, убрав руки за спину, принялась внимательно разглядывать разношерстную плитку голубого оттенка.

– Как тебя зовут? – Юра все же крутанул вентиль и опо-

лоснул лицо ледяной водой.

– Лиза, – робко ответила та, все еще изучая стену. – Лиза Найденова.

– Игрушка для каприза, – ухмыльнулся он.

– Какая шутка смешная, у бабуль на лавке услышал? – Девушка скорчила кислую мину.

– Не сердись. – Охотник улыбнулся, вытирая лицо пахнущим хлоркой вафельным полотенцем.

– Не буду. Раз у медузы получается жить без мозгов – ты тоже справишься, – огрызнулась она и вышла из туалета, оставив в воздухе мятный аромат дешевого шампуня, которым располагает больница.

Юра улыбнулся, вдохнув этот запах, и потянулся к вентилю, чтобы выключить воду. Периферийным зрением он увидел зеркало, свое отражение в нем и высокого мужчину, кожа которого имела зеленоватый оттенок. Охотник замер. Он держал полузакрытый вентиль и не отводил взгляда от тонкой брызгающей по сторонам струи воды. Краем глаза он видел, как человек в зеркале тяжело дышит, при каждом вдохе раздавался острый свист, а его живот раздувался, демонстрируя забитые слизью небольшие раны, которыми было покрыто все его тело. Глаза заболели, и охотник моргнул. Теперь в зеркале отражался только он.

– Что ты говорила про зеркала? – спросил он, выбежав из туалетной комнаты.

– Чтобы ты в них не смотрел – только расстраиваться бу-

дешь, – буркнула Лиза.

Девушка сидела на его скрипучей кровати, забравшись на нее с ногами, скрестив их и прижав к груди. Кровать практически не прогнулась под ней, но скрипела протяжно и жалостливо.

– А девчонка права, – хохотнула Марина.

– Я серьезно. – Юра никак не отреагировал на подколки.

– Что ты к ней пристаешь? – Лейтенант трясла рацию, уставшая от ожидания.

Марина отыскала в забытом Глебом мундире шнур и перевязала им волосы, собрав их в тугой розовый пучок на затылке. Она ходила, приподняв полы больничной сорочки, недовольная тем, насколько непрактичной оказалась эта одежда. Бежать неудобно, сидеть неудобно, все неудобно. Как и любая другая одежда. Лейтенант Соколова ежилась от холода и чувства незащищенности, и ей отчаянно хотелось надеть свой мундир, хотя и понимала, что тот не решил бы никаких проблем и вообще не в силах повлиять на ситуацию или на девушку. Но после этих мыслей она только снова зябко поводила плечами и ворчала на больничную сорочку.

– Слушай, я испугалась. – Лиза виновато посмотрела на охотника. – Я и сейчас боюсь.

– Что. Ты. Говорила. Про. Зеркала?

– Чушь я говорила, ерунду. Еще раз: я испугалась. И говорила это не всерьез.

– Девочка, – осторожно сказала Марина, заметив по лицу

подчиненного, что тот вот-вот выйдет из себя: на его шею вздулась вена, лицо побелело. – Скажи уже малышу, чего он хочет.

– Чтоб вас, – вздохнула Лиза. – Призраки за зеркалами живут. Все, доволен?

– Объясни. – Он резко шагнул вперед.

– Да не подходи ты ко мне, психованный!

– Что ты имеешь в виду?

– Что не хочу, чтобы ты ко мне приближался.

– Лиза!

– Что?!

– Деточка, он тебя сейчас придушит, – вмешалась Марина.

Лейтенант вскочила с места и ухватила охотника за плечи, заставляя притормозить.

– Говорят так. – Лиза отвернулась от охотников. – Вроде как примета, ничего серьезного.

– Но ты же знаешь, – Юра оскалился, – что за этим зеркалом действительно кто-то есть?

– Чего? – Марина, сделав лицо «у меня непереносимость чуши», выпустила охотника, который тут же, не удержав равновесие, рухнул кубарем на кровать.

– Ты если держишь – так держи! – рявкнул Юра, пытаясь подняться.

Лейтенант не ответила. Вздвигаясь, девушка совершенно не представляла, что делать, для этого в ее разуме прямо

сейчас, в эту конкретную минуту и сотню следующих, места не было. Волновал только один вопрос, который щетинился и больно бил по сознанию и нервам – почему Вася не возвращается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.